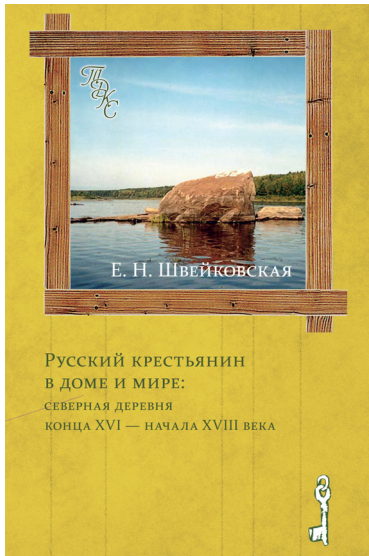

Елена Николаевна Швейковская
**Русский крестьянин в доме и мире: северная
деревня конца XVI – начала XVIII века**

Серия «Традиционная духовная культура
славян. Современные исследования»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11104778

Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века./

Е.Н.Швейковская: Индрик; Москва; 2012

ISBN 978-5-91674-172-8

Аннотация

В монографии исследуются основные социальные ассоциации – семья и деревенский мир, в которых протекала повседневная жизнь крестьян Русского Севера в конце XVI – начале XVIII в. Она локализовалась в доме-дворе и определенном инфраструктурном пространстве. Через разноуровневые связи, в которые вступал индивид в микромире деревни и волостной общины, а также за его границами, контактируя с должностными лицами земского мира и воеводой как представителем власти, выявлены ценностные ориентации и мировидческие представления крестьян. Культурно-исторический подход не исключает обращения к социальным экскурсам, что вкупе способствует углубленному пониманию образа, стиля жизни крестьян и социальной природы российской деревни.

Содержание

Введение	4
Глава 1	14
Глава 2	35
Глава 3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Е. Н. Швейковская

Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века

*Книга посвящается светлой памяти моей матери Валентины
Романовны Швейковской*

Введение

История Европейского Севера нашей страны издавна вызывала у меня большой интерес, и она стала предметом профессиональных занятий. Главным направлением отечественной исторической науки на рубеже 1960-1970-х гг., когда я пришла в нее, да и позднее, было социально-экономическое. Формирование и функционирование феодального землевладения, эксплуатация и закрепощение крестьянства, особенности и фазы его расслоения, генезис капиталистических отношений – вот неполный перечень крупных проблем от древности до отмены крепостного права, которыми занимались историки России, в том числе и периода XV–XVIII вв. В те же десятилетия начали разрабатываться демографические вопросы, нацеленные по преимуществу на изучение миграционных процессов, в которые отливала протест трудящихся слоев против усиления феодального гнета. В 1960-1970-е гг. в рамках решения проблемы о вызревании и эволюции феодальной земельной собственности развернулась оживленная дискуссия между московскими и ленинградскими учеными о сущностном характере землевладения черносошных крестьян, категории, не находившейся в XV–XVII вв. в частнофеодальной зависимости. Временами, например в 1978 г., она принимала достаточно острые формы. Перечисленные и другие проблемы решались в основном на материале источников, из которых можно извлечь более или менее массовые данные, пригодные для количественной обработки и статистических выкладок, получения временных сопоставительных срезов, их анализа и построения моделей. Можно сказать, что в области социально-экономических исследований преобладали работы, сходные с исследованиями этапа «серийной», социально-структурной истории в зарубежной историографии.

Занимаясь на междисциплинарном стыке историей севернорусской группы крестьян – монастырских и помещичьих, а также черносошных в XVII–XVIII вв., я столкнулась с информацией источников, которая не укладывалась в ложе «серий». Из документов проступали, словно глубинные пласты, несколько иные, чем отраженные в историографии второй половины XX в., отношения землевладельцев с крестьянами, связи крестьян внутри общины и между собой, и главное – люди. Появилось стремление глубже разобраться в сути существовавших взаимоотношений. Тем более, что через работы отечественных медиевистов М. А. Барга, А. Д. Люблинской, А. Я. Гуревича, А. Р. Корсунского, Ю. Л. Бессмертного, В. М. Далина и других ученых было возможно познакомиться с освещением проблем социальной истории в западной историографии с 1950-х гг. В ней, несомненно, выделялось мощное направление, представленное французскими историками, которые группировались вокруг журнала «Анналы»¹.

¹ См.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.

В этом направлении существовало несколько течений. Одно из них – историко-антропологическое, которое реализовалось в социально-культурном контексте. Оно восходит к французской историографии 1960–1980 гг. и работам историков Ф. Броделя, Ж. Дюби, Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ле Гоффа, Р. Шартье, А. Бюргера и др., хотя концептуально их работы не находились в едином русле. На разработки этого направления откликнулись историки других стран – К. Гинзбург, У. Раульф, П. Берк, Э. Томпсон, Н. Земон Дэвис, В. Кула и др., а среди отечественных медиевистов – А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бессмертный, А. Л. Ястребицкая и др. Историческая мысль в обширном пространстве исторической антропологии развивалась в ракурсе углубленного познания: самого человека прошлого и его инкорпорации в социальную сферу – семью, систему родства; демографических процессов и отношений, социальных связей; экономической составляющей – обмена, экономического поведения, отношения к богатству и бедности, влияния религии и этики на проявления экономики; категорий культуры – народных верований и ритуалов, представлений о мире, времени, мифе, символики жестов, соотношения народной и ученой культур. Значительное внимание в 1970-1980-х гг. уделялось раскрытию устройства и действия разных социальных общностей – прихода, корпорации, общины, их внутренней среде и разнородным связям, многообразию соотношений микроструктур между собой. Подход к обществу как единому организму с взаимодействием всех его составляющих, находящихся в сложной системе разнонаправленных связей, обусловил изучение истории ментальностей – устойчивых систем ценностей, мировидческих представлений, стереотипов поведения и т. п. у людей прошлого разных культур, влиявших на их сознание, реконструкцию «картины мира». Постепенно происходило сосредоточение на культурном постижении социальных явлений, на погружении в микроисторию (направление возникло в Италии среди ученых, группировавшихся вокруг журнала «*Quaderni storici*»), когда изменялся масштаб и ракурс изучения за счет углубленного проникновения в частную судьбу индивида, семьи, микрогруппы, принадлежащих к какому-либо из городских или сельских социальных сообществ, с ориентацией на осмысление целостного исторического контекста. В 1990-х гг. интерес историков смещается от социокультурной истории к культурной истории социального. В области последней прослеживается повышенное внимание к представлениям людей об окружающей действительности и способах ее восприятия, в соответствии с которыми они принимают те или иные решения в своей социальной практике и таким образом осознают свое место в реальном мире. Модели поведения задаются социальным опытом, который обусловлен повседневностью человеческого бытия, и ее исследование на разных хронологических отрезках и для разных социальных общностей обретает свою самостоятельность².

Отечественная литература по истории России лишь в малой степени затрагивала отдельные из таких сюжетов. Крестьянский двор, семья, община исследовались в историографии 1960-1980-х гг. как социально-экономические образования, которые обеспечивали производительность феодального владения, а также с точки зрения их имущественной обес-

² Отклик о развитии направлений в зарубежной историографии см.: Гуревич А. Я. Указ. соч.; История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996; Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 8–72, 224–284; Дингес Мартин. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» //Одиссей. Человек в истории. М., 2000. С. 96–124; Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003; Уваров П. Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 23–70; Эксле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007; и др. Реакцию отечественных медиевистов на историографические вызовы, например, см.: Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты. М., 1993; Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996; Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000; Уваров П. Ю. Указ. соч.; Винокурова М. В. Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII века). М., 2004. См. также публикации в альманахах: «Одиссей. Человек в истории», «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории».

печенности и дифференциации (В. А. Александров, А. Л. Шапиро, А. И. Копанев, Н. А. Горская, Ю. А. Тихонов, Н. А. Миненко и др.). Отношения индивидов внутри этих социальных структур были почти не изучены. Контакты же крестьян в деревне и волости были разнообразнее, чем только по поводу раскладки и уплаты тяглых и других фискальных платежей.

В данной работе предпринята попытка заполнить имеющуюся проблемно-тематическую лакуну и выяснить, как действовал крестьянин в деревенской действительности XVII в., реализуя в повседневности свой индивидуальный опыт, какова была сеть внутренних – семейных, деревенских – связей, отношений за границами «своего» микромира, насколько типичны были принимаемые решения в существовавших обстоятельствах, что позволит выявить ценностные ориентации и мировидческие представления. Культурно-исторический подход не исключает обращения к социальным экскурсам, что вкупе способствует углубленной трактовке образа, стиля жизни крестьян и обновленному пониманию социальной природы российской деревни.

В центре внимания исследования находятся социальные общности – семья и мир, составлявшие значимые, причем разновеликие, групповые образования сельского социума XVI–XVIII вв., в которых протекала повседневная жизнь человека. Естественно, что они существовали также за рамками обозначенной хронологии и в какой-то мере их можно считать константными. Каждый крестьянин по рождению и потомственно принадлежал к дому-двору, был членом земского мира и вступал в мелкие формальные и неформальные группы. Человек в силу родства и свойства, кумовства, возраста, состоятельности мог одновременно входить в разные подобные объединения. Они накладывались друг на друга и пересекались, в результате чего в деревне и общине существовала сеть неоднозначных связей. В результате культурной трансмиссии в семье и общине человек получал трудовые навыки, религиозные, моральные и этические ценности, под действием которых у него складывалась картина мира. Включенность индивида в межличностные и коллективные отношения, пронизывавшие повседневность бытия, корректировала его мировидение. Крестьянское сообщество – традиционно, как его экономика. В нем действуют «иные представления о должном и сущем, нежели в обществе, основывающемся на принципе индивидуализма и вещном обмене. Среди качеств, отличавших достойного человека, в традиционном крестьянском менталитете на первый план выходила нравственность, жизнь по правде и совести. Эти черты были пронесены крестьянством через всю многовековую традиционную стадию общественного развития и нашли отражение в фольклоре даже на последних ее этапах»³. Однако при изучении сельских, впрочем, как и других общностей важен подход к ним как к подвижным, изменяющимся, живым, а не статичным, застывшим. Трансформации, которым они подвергались, хотя и замедленные во времени, зависели от разных объективных и субъективных обстоятельств.

Конкретно тема раскрывается на материале севернорусской деревни, чернососшной и владельческой, конца XVI – начала XVIII в. Целесообразно охарактеризовать такие константы крестьянской повседневности: двор и деревня как место обитания и хозяйствования семьи, общинный мир как средоточие разнообразных соседских связей, средства жизнеобеспечения, хозяйственное поведение, а также ментально-культурные категории – пространство и время, праздники. Важность рассмотрения названных тематических сюжетов дополнительно стимулируется и тем, что «отношения в крестьянской среде, т. е. отношения в основной массе тогдашнего (средневекового – *Е.Ш.*) общества, исследованы медиевистами в самой ограниченной степени, их природа все еще темна для историков»⁴. Это мнение

³ Данилова Л. В. Сельская верхушка в средневековой Руси // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 35.

⁴ Гуревич А. Я. «Феодалное средневековье»: что это такое? // Одиссей. Человек в истории. М., 2002. С. 273.

А. Я. Гуревича в полной мере приложимо к изучению крестьянских общностей позднесредневековой России.

Предпринимаемое исследование диктует свои требования к источниковой информации, которая добывается не путем увеличения ее количества, а за счет качественно иного, чем это практиковалось в историографии ранее, набора задаваемых источникам вопросов. Конечно же, пристального внимания заслуживают документы и сведения, возникшие непосредственно в крестьянской среде. Следует отметить, что по северному региону сохранилась разнообразная и обширная документация XVII в. центральных учреждений – четвертей и уездных приказных изб, а также земских миров. Документы последних сохранились плохо по центральным и северо-западным уездам, где было распространено поместно-вотчинное землевладение. В них к тому же земское самоуправление в последней трети XVI в. заменили губные старосты и городовые приказчики. Привлекается все многообразие источников, и не только XVII в. Прежде всего, законодательные – это статьи Русской Правды, Судебников 1550 и 1589 гг., Соборного уложения 1649 г., узаконения за период 1550–1649 гг. из издания «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.» (Л., 1986). Затем разнохарактерные книги – писцового описания 1622–1625 гг. Сольвычегодского у., подворной ландратской переписи 1717 г. Вологодского у., расходные земских миров середины – конца XVII в. – черносозных Тотемского, Сольвычегодского, Устюжского у., монастырских Вологодского у. Используются документы, сложившиеся в работе миров черносозных и монастырских крестьян XVII – начала XVIII в., акты межкрестьянских поземельных сделок конца XVI – конца XVII в., разнородные челобитные крестьян, адресованные уездным воеводам и в Устюжскую четверть, церковно-монастырским властям, судебные дела и такие памятники как Стоглав 1551 г., Домострой. Другими словами, используется информация самого широкого диапазона, соответствующая поставленной задаче.

Что касается историографии, то она в прямом приложении к теме в отечественной русистике отсутствует. Однако это не значит, что отдельные сюжеты, представляющие интерес, совсем в ней не затрагивались. Некоторые данные можно почерпнуть в литературе как конца XIX – начала XX в., так и второй половины XX в. А. Я. Ефименко в работе, посвященной землевладению крестьян Подвинья, пожалуй, впервые привела много фактических данных из поземельных актов. Она рассмотрела вопрос о составе крестьянских семей, об устройстве деревень, о землях, находившихся в общем междеревенском пользовании, и их обороте – продаже, закладе, дарении⁵. М. А. Островская в книге о земельном быте северных крестьян уделила внимание расположению и типу поселений, путям сообщений, внутридеревенскому и междеревенскому пользованию землей, а также отдельным аспектам семейных отношений⁶.

Первостепенное значение из работ начала XX в., конечно же, имеет фундаментальный двухтомный труд М. М. Богословского о земском самоуправлении на Русском Севере в XVII в. Вклад ученого в изучение проблемы столь весом, что на некоторых поднятых им вопросах, соответствующих рассматриваемой теме, следует задержать внимание. Историк задался целью «изучить местное земское самоуправление в Московском государстве с его фактической, действительной стороны, показать, как учредительные грамоты XVI века осуществлялись в жизни»⁷, для чего он мобилизовал большой источниковый материал, почерпнутый из архивных хранилищ. Впервые в отечественной историографии М. М. Бого-

⁵ Ефименко А. Я. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере: Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884.

⁶ Островская М. Л. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913.

⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. С. III.

словский подробно показал административно-территориальное деление Севера в XVII в. Он писал: «Административная карта Поморья в XVII в. – это причудливый узор, выведенный историей, создавшей местные разнообразия, а не геометрический чертеж, построенный законодателем, руководившимся началом единства и стиравшим все местные особенности»⁸. В этом высказывании подчеркнуты эволюционность и органичность складывания территориального деления региона в предыдущие века. В нем же улавливается некоторая доля иронии в адрес петровских административных преобразований⁹. М. М. Богословский на основе глубокой проработки сведений писцовых и переписных книг первой половины XVII в. в сочетании с делопроизводственными материалами Устюжской и Новгородской четвертей с большой обстоятельностью изложил устройство уездов и волостей в географически разных местностях северного региона, простиравшегося от Заонежья до Урала. Он обнаружил тесную зависимость сельского расселения от природных условий, впервые локализовал поморские волости, и эта работа по сей день имеет непреходящее значение. Северная деревня охарактеризована им как место обитания и сочетаемые с ним сельскохозяйственные угодья. Итоги и выводы М. М. Богословского были восприняты историографией, как современной ему, так и позднейшей, и не утратили своей ценности. Они оказали в определенной мере воздействие на формирование дисциплин, сложившихся во второй половине XX в. как самостоятельные, – исторической географии, включая топонимику, и демографии сельского населения.

Несомненной заслугой М. М. Богословского являются его веские суждения по мало исследованному на тот период вопросу о землевладении насельников Севера. Он обратился, прежде всего, к общественным группам, на которых лежали обязанности по отношению к государству. Таковы черные люди, они – «разновидность тяглых людей, это тяглецы, жившие и трудившиеся на государственной земле, посадские люди или государственные крестьяне». В противоположность им беломестец – человек нетяглый, служилый, и белая земля – свободна от тягла¹⁰. По поводу значения термина «черный» в Древней Руси историк писал: «Чернь – это то же, что мир, весь мир в смысле общества. Черная земля – это земля, не составляющая ничьей частной собственности, ничья, общая мирская»¹¹. Он поставил важный вопрос о праве черных крестьян в XVII в. на используемую ими землю. По сохранившимся документам крестьяне широко практиковали сделки купли-продажи земли, и они совершали «на свои участки все акты распоряжения», из чего возникает обманчивое впечатление о праве собственности владельцев на участки. Ученый пришел к убеждению, что достаточно ясен «взгляд правительства XVII в. на черную землю, как на землю, находящуюся в собственности государства и лишь во владении крестьян»¹². В итоге своего исследования М. М. Богословский дал следующую оценку положения северных крестьян: «Кажется, состояние черных крестьян в XVII в. можно обозначить, как состояние крестьян, живущих на черной государственной земле, прикрепленных к волостным обществам и обязанных самоуправляться в интересах государственного казначейства. Так, по крайней мере, смотрели на них в правительственных сферах XVII в.»¹³.

Важен поднятый историком вопрос о месте и роли земского самоуправления в системе государственной власти, который был изучен в ракурсе развивающейся в XVII в. чиновничьей бюрократии. «Механизм бюрократического управления представляет собою иерархи-

⁸ Там же. С. 9.

⁹ М. М. Богословский посвятил реформам Петра I свой первый курс лекций 1898/99 г. и магистерскую диссертацию: «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг.». М., 1902.

¹⁰ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. I. С. 50–51.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² Там же. С. 53–61.

¹³ Там же. Т. II. М., 1912. С. 310.

чески построенную систему должностных лиц, основанную на подчинении низших высшим и всю проникнутую недоверием высших к подчиненным». При подобном способе управления приказный проходит ступени возвышения благодаря своим личным достоинствам и дарованиям. Достигнув самого верха, он склонен переоценивать свои способности, и «отсюда та самоуверенность и самомнение, та привычка считать себя единственным обладателем знания и умения, то высокомерие к остальному обществу, которые отличают приказного дельца. Он имеет исключительное право на знание, он готов считать себя всеведущим. Общество, над которым он так высоко взлетел, кажется ему темной массой, которую он призван руководить с своего высокого верха, куда голос общества до него не долетает»¹⁴. Оценка, данная приказному бюрократу, проистекает из глубокого знания функционирования управления XVII – начала XVIII в.

Ученый рассмотрел организацию местной администрации в уездах, которая возглавлялась в XVII в. воеводами. В северные города они назначались из приказов, которым административно подчинялся какой-либо уезд. Из Устюжской четверти воеводы получали назначения в Тотемский, Сольвычегодский, Устюжский уезды. На местах они действовали на основе полученного в четверти наказа, в котором фиксировались их обязанности. Ученый отмечает скрупулезную обстоятельность наказов воеводам. По наказам, указам и распоряжениям, посылаемым впоследствии из четверти воеводам, их ответным документам он прослеживает двухстороннюю связь центрального и местного аппаратов управления, показывает руководящую и контрольную роль четверти по отношению к уездной власти, т. к. ее глава по сколько-нибудь серьезному вопросу должен обращаться в центр. М. М. Богословский подытоживал свои рассуждения о воеводском управлении, главная задача которого «сквозит в каждой статье наказов. Не благосостояние местности, не общее благо населения имеют в виду все эти многочисленные, иногда нескладно выраженные и по несколько раз в одном и том же наказе повторенные предписания, а исключительно только интересы фиска, казенную прибыль, своевременное поступление сборов, отсутствие или, по крайней мере, наименьшие размеры недоимок. Параллельно с этим узко-фискальным взглядом на деятельность местной администрации в наказах повсюду виден чисто бюрократический дух недоверия высших органов власти к низшим, начальствующим к подчиненным. Подчиненный лишен всякой самостоятельности, связан по рукам и ногам, шагу не может ступить без разрешения высшей инстанции»¹⁵. Историк выразил свое явно негативное восприятие воеводской администрации. Он считал, что отсутствие у воевод свободы действий и их постоянная обязанность сноситься с четвертью имели своей оборотной стороной злоупотребления властью¹⁶.

М. М. Богословский уделил значительное внимание органам земского самоуправления и их обязанностям – финансовым, судебным, полицейским, которые были схожи с функциями, исполнявшимися воеводским аппаратом. Действительно, бытование на Севере двух разных по характеру управленческих звеньев вело к функциональному дублированию. Ученый раскрыл самостоятельность миров в проведении выборов, в которые воеводы не вмешивались. Он уловил двойственную суть земских властей: «Оставаясь земскими по своему происхождению путем выборов, они становились государственными по источнику своих полномочий, даваемых им государственной властью, и по тем целям, во имя которых они должны были действовать»¹⁷. Однако в этой позиции историка государственное начало подчиняет выборное, имевшееся у земских миров. Эта трактовка связана с тем, что историк не

¹⁴ Там же. С. 261, 262.

¹⁵ Там же. С. 271–275.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. I. С. 321.

считал северные волостные миры общинами и отделял вопросы самоуправления от землевладения.

Община русских крестьян, как выяснили отечественные ученые много позже, во второй половине XX в., представляла собой довольно замкнутую социальную систему, во-первых, инкорпорированную в частное, поместно-вотчинное владение, и во-вторых, в поморском черносотном регионе встроенную как относительно самостоятельное звено в систему государственного хозяйствования и управления. Должностные лица северных миров, во-первых, избирались и сами выборы не зависели от государственного вмешательства, во-вторых, они периодически сменялись, в-третьих, действовали самостоятельно. Мирской аппарат, как традиционный управленческий орган общины, в соответствии с обычаем решал разнообразные земельные, тягло-финансовые, судебные-полицейские и другие насущные дела. Дальнейшие исследования продолжили направление, начатое М. М. Богословским, и показали, что государственное местное управление в XVII в. не могло обойтись без земского звена¹⁸.

Монография М. М. Богословского была первым в российской историографии масштабным сочинением по истории поморского Севера, отличного от поместно-вотчинного Центра России. Она с точки зрения современного познания исторического процесса, полагаю, вполне вписывается в нынешнее направление трудов по локальной истории. Главное в них не регионально-территориальный принцип, а анализ реальных социальных групп локального уровня, характеристика конкретных общностей и индивидов. Региональное, стратифицированное общество поморского Севера, безусловно, предстает из труда историка как целостность.

Большой интерес для темы данного исследования в литературе последней трети XX в. представляют две монографии А. И. Копанева о крестьянах Севера в XVI и XVII вв. Они теснейшим образом связаны между собой по содержанию и построению и только по формальным причинам вышли под несколько отличными названиями и с большим промежутком во времени¹⁹. Ученый использовал мало привлекавшиеся источники, такие как акты поземельных сделок, веревные, оценные книги, разрубные списки, появившиеся в результате хозяйственной деятельности крестьян. Глубокое проникновение в столь разные источники погружает читателя книг в самую толщу деревенской и волостной жизни черносотного Севера XVI–XVII вв.

Из работ А. И. Копанева предстает северная деревня, характерной особенностью которой была малодворность²⁰. Ученый установил, что в старых, давно заселенных уездах Двинском, Важском к середине XVI в. почти все пригодные для сельского хозяйства земли были культивированы. Новые селения если появлялись, то на пустошах, возобновляя прежние очаги земледелия²¹. При выяснении поземельного устройства деревни А. И. Копанев, пожалуй, впервые подробно прорисовал топографию деревенских полей, которая отражала постепенное, трудоемкое приращение мелкими клочками земельных угодий каждого владельца. Мозаичность и чересполосность небольших участков земли, причем расположенных в разных местах, была присуща хозяйству каждого крестьянина, а их число во владении двора достигало двух, а порой трех десятков. Даже угодья однодворной деревни не находились в едином массиве. Выразительно ландшафтно-топографическую разбросанность угодий отразили веревные книги XVII в., которые учитывали (в целях обложения) тщательно

¹⁸ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 171; Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 232–246.

¹⁹ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; Он же. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.

²⁰ Он же. Крестьянство... в XVI в. С. 118–119.

²¹ Там же. С. 144–145.

измеренные в веревках земельные клочки каждого дворохозяина. Книги возникли в крестьянских мирах Подвинья и сохранились только для этого района Поморья, а А. И. Копанев был не только глубоким интерпретатором их сведений, но и публикатором. В своих работах 1970-1980-х гг. ученый раскрыл реальную картину антропогенного воздействия на существовавшие в XVI–XVII вв. ландшафты, вплотную подойдя к важной проблеме изучения исторического ландшафта в целом и деревенского микроландшафта в частности²². В ходе своего исследования я не раз буду обращаться к монографиям М. М. Богословского и А. И. Копанева.

Следует отметить, что в последние годы интерес к истории повседневности в отечественной историографии России явно усилился. Об отдельных сюжетах, которые находятся в исследовательском поле повседневности, речь идет в первой части труда Л. В. Милова, озаглавленной «Великорусский пахарь в XVIII столетии»²³. Историк отметил отсутствие в советской историографии «исследований повседневной истории, в то время как в зарубежной литературе эта тематика разрабатывалась и тщательно, и скрупулезно на протяжении целых десятилетий». Изучение крестьянского хозяйства не касалось технологии сельского производства, быта крестьян, и самое главное, по мнению ученого, отсутствовало «должное понимание роли природно-географического фактора» и его влияния на развитие Российского государства²⁴. В первой части монографии поэтому дана оценка значения природно-географической среды и ее воздействия на жизнь и труд крестьян. Вместе с тем характеризуются условия их хозяйствования – применяемые системы земледелия, орудия труда и приемы обработки почв, посевные культуры и их урожаи, способы уборки и хранения урожая, крестьянская изба и подворье, пища, одежда. Однако направленность рассмотрения этих вопросов находится в русле общей оценки производственных возможностей крестьянского хозяйства и земледельческой базы в стране в целом, что подводит историка к осмыслению российского общества, располагавшего минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Повседневности горожан Бежецка в XVIII в. посвящена книга А. Б. Каменского. Этот небольшой провинциальный город, как считает автор, был типичным для центральной России. Выбор его в немалой степени был обусловлен сохранностью источников. Их информация определила конкретные сюжеты, которые изучает исследователь, степень их освещения. Большое место в книге уделено городской среде, самим горожанам, их занятиям, службам и повинностям. Рассмотрены конфликты бежечан, причины раздоров, способы их урегулирования, даны криминальные картины городской жизни. Кратко показаны также и семейные отношения горожан²⁵.

Повседневность подмосковных дворцовых усадеб во второй половине XVII в. стала предметом изучения А. В. Топычканова. Он опубликовал ценный комплекс документов приказной избы дворцового села Измайлова с очерком повседневной жизни этой усадьбы. Позже он сосредоточился на проявлениях повседневной культуры дворцовых сел в неразрывной связи со сложившимися в них документальными комплексами. На их основе исследователь прослеживает, как через делопроизводственные практики реализовалось управление дворцовыми селами, претворялось в жизнь локально-ситуативное поведение

²² В этой области появились интересные работы: Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003; Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1–3. М., 2004–2005; Археология севернорусской деревни X–XIII веков. М., 2007–2009. Т. 1–3.

²³ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 31–379.

²⁴ Там же. С. 3–4.

²⁵ Каменский А. В. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006.

действующих лиц, какие слагаемые составляли культуру повседневности, что и формировало конкретный образ придворного общества второй половины XVII в.²⁶

Значительный интерес представляет труд швейцарского ученого Карстена Гёрке «Русская повседневность. История в новых временных образах», сложившийся на основе многолетнего чтения лекционного курса. В работу вовлечен солидный массив русских источников и литературы XIX–XX вв. Ученый вписывает изучение повседневности в культурный контекст исторической антропологии на 9 больших хронологических отрезках. Интересующий меня период включает 4 из них, это 1) IX столетие, 2) XII – начало XIII столетия, 3) XV столетие, 4) вторая половина XVII столетия. По каждому из периодов отдельно показана повседневность сельская и городская. Ценно имеющееся приложение русских источников, переведенных автором на немецкий язык. Неутешительно высказывание ученого: для XVII в. приходится констатировать, что современная история повседневности этого переходного времени еще не существует²⁷.

Необходимо заметить, что мои собственные наблюдения и выводы, изложенные в монографиях о севернорусских крестьянах, а также в книге о собственности в средневековой России, дали пищу для размышлений, реализуемых в предлагаемой работе²⁸.

Несколько слов о ее построении. В центре внимания – крестьяне в доме-дворе и деревне как месте обитания и хозяйствования, которые органично входят в сельские миры. Для средневекового русского общества понятие «мир» было многозначным. Оно включало в себя макрокосм, человечество вообще, людей, объединение людей, и в таком смысле «мир» – универсум. Однако средневековый человек обретался в своем мире, т. е. сообществе социально себе подобных. «Мир» крестьян сочетал групповую ассоциацию и жизнь в определенном пространстве, а таким на Севере была волость с существовавшими в ней разновеликими поселенческими системами. Характерно, что крестьяне по отношению к своему сообществу употребляют как раз выражение «мир», а не община.

Начать рассмотрение, полагаю, необходимо с нижней ступени, а именно с семьи. Затем показать то пространство, в котором она действовала. Главы дворохозяйств, будучи владельцами земельных участков, несли конкретные социальные обязательства и представляли интересы семьи как члены общин. Крестьяне, реализуя те или иные потребности и обязанности, вступали в контакты не только между собой на уровне деревни, но и с должностными лицами земского мира, а также местной административной власти. Представители этих двух общественных ступеней находились, конечно, на более высоком уровне, чем крестьянин в деревне, и были носителями иных способов поведения вследствие неравного социального, экономического, политического положения и влияния, особенно воеводы со своим аппаратом. Однако никто из крестьян не был застрахован от необходимости обращения в приказную избу или к воеводе, например, с челобитной по какому-либо поводу. Логично поэтому рассмотреть другой культурный срез – воеводский двор и повседневную обстановку в нем, так как он был центром, где фокусировались публичные и частные связи, а в их орбиту, пусть эпизодически, мог попасть любой горожанин и крестьянин. В нем же проявлялись скрытые стороны жизни представителей иной общественной группы, входившей в правящий слой.

²⁶ Топычканов А. В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. М., 2004; Он же. Культура повседневности подмосковных дворцовых усадеб второй половины XVII в.: делопроизводственные источники и методы исследования. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2007.

²⁷ Goerke Carsten. Russischer Alltag. Eine Geschichte in neuen Zeitbildern vom Frühmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. 1: Die Vormoderne. Zürich. 2003. S. 11–18, 254.

²⁸ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976; Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997; Собственность в России: Средневековье и раннее новое время. М., 2001. Гл. 4, 5.

* * *

Приношу глубокую благодарность сотрудникам архивов, где мне пришлось работать, и прежде всего РГАДА, которые на протяжении многих лет оказывали мне содействие и внимание. Моя сердечная признательность коллегам по Археографической комиссии за доброе отношение, дружескую поддержку и ценные советы. Я благодарна своим друзьям за постоянную помощь и поддержку, которые они оказывали мне в годы работы над книгой, за проявляемый интерес к ней, за терпение и умение слушать. На разных этапах Российский гуманитарный научный фонд содействовал исследованию темы и изданию монографии.

Глава 1

Крестьянская семья XVI– XVIII вв.: понятие и демография

Изучение русской семьи в отечественной науке началось примерно с середины 1950-х гг. в этнологии. В последующие два десятилетия оно достаточно интенсивно развивалось в исследованиях по истории России XVI – первой половины XIX в. Этот процесс шел параллельно с подобным же процессом в зарубежной историографии²⁹. Однако в истории России семья не стала самостоятельным объектом изучения. В рамках дисциплины, которая за рубежом сложилась как демографическая история, соединилось изучение семьи и частной жизни. Последняя предметом своего рассмотрения считает жизнь «домашнюю», в семье и по канонам обычного права, которая противостоит публичной³⁰.

Публичная и частная сферы в обществах средневековья и раннего нового времени переплетены, они трудно разделяются, соотносясь в едином социальном пространстве, взаимно дополняя друг друга. Ю. Л. Бессмертный высказал справедливую мысль об известной сложности, возникающей у медиевиста или историка раннего нового времени, вынужденного решать, «к какой сфере отнести межличностные отношения вне семьи и домохозяйства, лежащие в основе довольно густой сети горизонтальных и вертикальных связей (в том числе «сеньор-вассал», «патрон-клиент»)». Он подчеркивал, что присущая средневековью невыделенность индивида из традиционных коллективных структур и переплетение частного и публичного начал в сфере феодального владения существуют в разных плоскостях, хотя и имеют в подоснове общие моменты³¹.

Сюжеты, касающиеся важнейшей проблемы исторической демографии, а именно семьи, в историографии отечественной истории характеризовались, по преимуществу, для получения суждений о воспроизводстве населения и социальных отношениях. Существуют две крупные проблемы российской истории, в связи с которыми с 1960-х гг. изучалась крестьянская семья: 1) колонизационно-миграционные процессы, хозяйственное освоение новых территорий и формирование на них постоянного населения и 2) экономическая мощь крестьянского хозяйства с упором на выявление его рабочих ресурсов³². Социально-психологические и культурно-исторические аспекты истории семьи, обстоятельно изучаемые в западноевропейской и американской литературе, а также в отечественной медиевистике³³, сравнительно мало исследуются историками средневековой России.

Н. А. Горская в монографии, которая подытожила накопленные достижения в области исторической демографии России с точки зрения ее главной составляющей – народонаселения, уделила внимание достаточно широкому кругу проблем. В книге охарактеризованы для эпохи феодализма: динамика численности населения, его состава, плотности; мигра-

²⁹ Бессмертный Ю.Л. Новая демографическая история // Одиссей. М., 1994. С. 244.

³⁰ Там же. С. 245.

³¹ Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 27–28.

³² Швейковская Е. Н. Крестьянская семья и община как категории социальной структуры феодальной России (конец XV–XVII вв.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Вып. I. Таллин, 1986. С. 5–6.

³³ См.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. Особенно гл. 1, 4, 6; Женщина, брак, семья до начала нового времени. Демографические и социокультурные аспекты. М., 1993; Бессмертный Ю. Л. Историко-демографические процессы в Западной Европе XVI–XVIII вв. в современной науке // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. Он же. Новая демографическая история; Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996.

ции населения; а также процессы воспроизводства населения (естественное движение как социально детерминируемый процесс) и законы демографического развития; история демографической политики. Рассматривая аспекты, в которых изучались процессы воспроизводства населения в XVI–XVII веках, Н. А. Горская свидетельствует, что история семьи интересовала исследователей с точки зрения ее состава, численности, структуры, а в конечном счете, определения рабочего потенциала дворохозяев. Неутешительно звучала и остается актуальной констатация автора: «Семейно-брачные отношения XVI–XVII вв. во всем их комплексе историографии не имеют». Изучение таких вопросов как представления о браке, детях и их месте в жизни семьи, сексуальной морали – назревшая необходимость³⁴.

Темы и подходы, присутствующие в исследованиях российских демографических процессов, на которые обращали внимание историки, обусловлены до некоторой степени источниками XVI–XVIII вв. В первую очередь использовались те из них, которые содержат данные, пригодные для «статистических» выкладок. Сложившаяся историографическая ситуация по проблемам исторической демографии России, дополненная источниковой спецификой, а она состоит в преобладании фискально-податных документов в масштабах государства и частновладельческой вотчины, осложняет разработку сюжетов о внутрисемейных отношениях, ментальных представлениях, повседневных проявлениях частной жизни крестьян и посадских людей, которые были включены в свои микромиры. Штудии такого рода, безусловно, необходимы и направлены на познание многогранности социальной жизни прошлого. Вместе с тем важно разобраться в общих нормах, которые действовали в тот или иной конкретный период и были присущи разным социальным общностям, что позволит ярче высветить обнаруженные характерности. Несомненно, семья как раз была и остается важнейшей из таких общностей.

Понимание малой семьи как индивидуальной (нуклеарной) не вызывает у исследователей отечественной истории разногласий. Семьи разветвленного состава, тем более с боковыми родственниками, противопоставляются малой семье и обозначаются по-разному: сложная, большая, неразделенная³⁵. Ученые, подходя к крестьянской семье чаще всего как к хозяйственной ячейке, выясняли ее форму и модификации в зависимости от социально-экономических условий XV–XVIII вв. Отдавая себе отчет в том, что численность семьи интересна как сама по себе, так и для выяснения ее внутреннего строя, отмечу следующее обстоятельство. Историки определяют численность для изучаемого периода, как правило, на основе источников писцового и переписного характера, а они в силу основной цели составления не всегда дают возможность реконструировать родство, а тем более проникнуть во внутренние отношения семьи. По этим материалам достаточно хорошо устанавливается величина семей, хуже их родственный состав, а извлекаемые данные легко подвергаются количественной обработке. Замечу, что численность семей уже несет скрытую информацию об их составе. На протяжении длительного периода с XV по середину XIX в. число жителей во дворе в зависимости от региона, владельческой принадлежности крестьян, формы ренты колебалось от 5 до 10 чел. обоего пола. Исследователи установили постепенное укрупнение двора с 5–6 чел. в конце XV – начале XVI в. до 7–8 чел. в конце XVII – середине XVIII в.³⁶.

³⁴ Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма. М., 1994. С. 9, 15, 128, 134.

³⁵ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962; Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах черного крестьянского землевладения XIV–XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1974; Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV–XV в. М., 1955; Она же. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994; и др.

³⁶ Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 52; Горская Н. А. Указ соч. С. 104.

Накопившиеся к 1980-м гг. историографические данные по структуре крестьянской семьи обобщил В. А. Александров и предложил ее классификацию. Одна из причин, побудивших его сосредоточить усилия на типологических изысканиях, состояла в том, что в литературе существовал устойчивый взгляд на большую семью, которая генетически связывалась с первобытной семейной общиной и даже в позднефеодальное время не меняла своей архаической сущности. Ярким выразителем этой точки зрения был М.О. Косвен, считавший большую семью патронимией³⁷. В. А. Александров, привлекая репрезентативный материал, установил господство малой семьи как главной институциональной формы на протяжении эпохи феодализма. Она, в зависимости от конкретных условий, пульсировала к неразделенной. Отцовские и братские семьи XVII – середины XIX в., появлявшиеся в результате регенерации малой семьи, не имели ничего общего с большой семьей в понимании М. О. Косвена, который уподоблял ее семейной общине – патронимии. Большая семья на Руси была стадийным институтом и соответствовала более ранним этапам общественного развития³⁸.

В. А. Александров был первым из отечественных историков, который во второй половине XX в. уделил специальное внимание обычному праву крестьян и раскрытию семейно-имущественных отношений, бытовавших у них. Ученый пришел к первостепенному заключению, что совокупность традиционных норм в этой важной сфере жизни отражала общую систему обычного права для всего русского крестьянства. Она была достаточно развитой и рациональной. В ней выделялись три главных принципа: 1) обеспечение хозяйствования крестьянской семьи; 2) поддержка ее нетрудоспособных членов; 3) условность разграничения между общим и личным имуществом в хозяйстве.

Показательно, что движимое и недвижимое имущества существовали в правовом мышлении крестьян как единый комплекс, и его общность была рационально обусловлена потребностями земледельческого производства. Хозяйственную дееспособность двора поддерживали как раз обычно-правовые нормы. Именно общесемейная сущность имущества, акцентировал свою мысль ученый, составляла принципиальный компонент обычного права, причем традиционно сохраняемый. Эта черта отличала его от права писаного государственного, определявшего индивидуальные права отдельных членов семьи на разные виды имущества. В крестьянских семьях каждый мужчина, способный возглавить хозяйство, претендовал надолго в общесемейном имуществе. Подробно разобрав права прямых и боковых родственников, В. А. Александров сделал ценный вывод о подчинении имущественных отношений в семьях разным типам интересов малой семьи и необходимо подчеркнуть, как основы семейного строя. В сфере имущественных отношений обычноправовые нормы бытовали наиболее стойко и находились на страже материальных интересов семьи в целом³⁹.

Оценивая значение обычного права в феодальной деревне, В. А. Александров считал, что оно, способствуя стабилизации и воспроизводству семейных, общинных и общественных отношений, притормаживало имущественное расслоение среди крестьян, нивелируя положение отдельных семей. Обычноправовые нормы играли первостепенную, но «защитную роль, будучи инструментом сословия, боровшегося за существование своего хозяйства». Тональность же инструмента изменялась в зависимости от складывавшихся обстоятельств в существовании сословия.

Из сказанного ясно, что историография 1960–1980 гг. накопила достаточный материал для суждений о семье – ее типах, строе, обычно-правовых основаниях на имущество. Однако сложилась парадоксальная ситуация: ученые, изучая столь первостепенное, социально значимое, кровно-родственное объединение, не задались вопросом, как оно обозначалось в

³⁷ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

³⁸ Александров В. А. Указ соч. С. 42–69, 58, 61, 69.

³⁹ Там же. С. 244, 246–247.

российском обществе XVI–XVII вв. и какой термин для этого употреблялся? По-видимому, априорно считалось, что если институция бытовала, то существовало и общее понятие для ее маркирования. И все-таки соответствовало ли столь привычное для нас слово «семья» всецело вкладываемому в него тогда содержанию?

Полагаю, что этот вопрос существенен и заслуживает специального рассмотрения, ибо имеет культурно-ценностное значение. Если термин «семья» осознавался в качестве обозначения явно действующей социальной общности, то он, я полагаю, должен был отразиться в публично-правовых актах. Всякий нормативный акт, в том числе и законодательный, аккумуляровал и фиксировал существовавшую практику и нормировал на будущее сходные положения. Поэтому на любой из актов можно опереться, так как при его составлении принимались во внимание имевшиеся прецеденты по тому или иному вопросу. Конечно, следует учитывать, что такое обобщение не исчерпывало многообразия жизненных ситуаций.

Для этой цели были проработаны 345 законодательных постановлений за столетний период между Судебником 1550 г. и Соборным уложением 1649 г., которые опубликованы в издании «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.». Из них только в двух встречается термин «семья». Во-первых, в приговоре о губных делах 1556 г. в связи с коллизией ведения следствия, при которой «в обысках многие люди лгут семьями и заговоры великими: иные говорят по ищее, а иные по ответчиках»⁴⁰. В расследование уголовных дел входила процедура массового опроса жителей – «повальный обыск», в орбиту которого и попадали «семьи», дававшие лживые показания. Во-вторых, в одной из статей Уложения 1607 г. о найме землевладельцем-вотчинником чужих крестьян на сезонную работу на срок, не превышающий года. В ней ставится условие: «А придет к кому крестьянин наняться на работу на лето или на зиму или на весь год», он может это сделать «один», а «не семьей»⁴¹. Стилистика данной статьи говорит об обыденности для крестьян сезонной работы на срок, она разрешает передвижение крестьян и индивидуальный найм работника при том, что его семья остается на прежнем месте. В статье Уложения, предшествующей упомянутой, речь идет о возвращении крестьян прежним владельцам «с женами и детьми» и со всем имуществом на основании писцовых книг 1592/93 г. Учитывая ее содержание, становится ясно, что понятие «семья» объединяло супругов с детьми, правда, неясно, имелись в виду дети малолетние или женатые.

Показательно, что термин «семья» лишь дважды встретился в публично-правовых узаконениях с временным разрывом в полвека. В одном случае упоминание – глухое, без раскрытия содержания, во втором крестьянин, нанимающийся на работу, противопоставлен семье, и в обоих – упоминание семьи попутное, в связи с конкретным поводом. Все же можно понять, что подразумевается некая группа, в которую входили мужчины, их жены и дети.

Отдельные из законодательных актов, нормируя определенные положения и обстоятельства (например, бегство, заклад земли), воспроизводят семейно-родственные линии. При этом из статей проступают ненамеренно отображенные ситуации и коллизии крестьянской жизни. Попадая в узаконения и применяясь затем в практике, такие случаи приобретали некую общность и регламентирующую силу.

Прежде всего, из публичных актов вырисовывается состав родственников. Каков же он? Среди людей, предъявлявших неоформленные завещания (1561 г.), перечислены отцы и матери, «и сестры и племянницы свои», а также жены. Дети, братья, племянники стрельцов, «которые живут с ними в их дворах на одном хлебе», приняты во внимание в указе 1608/09 г.

⁴⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 16. С. 39. В несколько иной редакции это постановление вошло в Судебник 1589 г.: «Шлютца с суда ищее и ответчик на мир в обыск, и в обысках многие люди лгут семьями и заговоры великими, – иные молвят по ищее, а иные по ответчике, и по тем лживым обыскам дел не вершители» (Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952. С. 409).

⁴¹ Законодательные акты Русского государства... № 57. С. 75.

Заложенные (но не более 40 лет назад) предками земли – отцами, дядями, братьями могли выкупать крестьяне Сольвычегодского уезда (1625 г.)⁴².

Крестьяне – главы дворов в XVII в., как известно, заносились в писцовые, а позже в переписные книги, о чем свидетельствуют наказы, выдаваемые писцам, о проведении поземельных описаний 1620-х гг. и подворных переписей 1646 и 1678 гг. Они представляли собой подробные инструкции, разработанные приказными администраторами. Наказы рекомендовали переписывать во дворах «людей» (1620-е), дворы и в них крестьян (1646, 1678 гг.) поименно, причем не только глав, но и их «детей и братью и племянников»⁴³. Статьи наказов универсальны, они включались в инструкции писцам и переписчикам всех уездов страны. Поименное внесение в писцовые, а позже в переписные книги мужчин – глав семей с основными родственниками воспроизводило типичность связей родства, которая, конечно же, с вариациями по регионам, была в XVI–XVIII вв. устойчива.

Из приведенных государственных постановлений виден определенный состав родственников, строящийся по мужской нисходящей прямой (отцы-сыновья) и боковой (братья, племянники) линиям, а также по восходящей (отцы, дяди), по женской (матери, сестры, племянницы) и по брачной (жены, мачехи, зятья) линиям. Ясно, что отсчет родства в соответствии с существовавшей в обществе гендерно дифференцированной ориентацией ведется по отношению к мужчине – главе семьи-двора. Примечательно, что не упоминались семьи с дедами и внуками. Присутствующее в наказах фиксирование родственников, ограниченное двумя поколениями, можно связать с тем, что законотворцы считали вполне достаточным назвать родственников близких, наиболее распространенных степеней, а не обозначить специально всех родственников. Данное обстоятельство говорит в пользу существования двухпоколенного родства как наиболее типичного и вместе с тем служит знаком, указывающим на имевшееся у государственных администраторов опосредованное представление о характерности именно таких семей и нечастом бытовании трехпоколенных семей.

Из законодательных актов узнаем также об изменениях, происходивших в составе семей. В случаях, когда «от отца детям или от тестя зять или от брата братия отделяются и ставят новые дворы», монастырям разрешалось увеличивать число своих дворов на посадах и в городских слободах (1550 г.). Выделение сыновей из отцовских домохозяйств («и которые породятся после той переписи и учнут жить своими дворами вновь») предусматривал наказ о переписи 1646 г. Еще обстоятельнее о родственниках, образующих новые семейные и домохозяйственные ячейки, в которые «отделились от отцов дети и от вотчимов пасынки и от братьев братья и от дядей племянники, и живут себе дворами», говорит постановление 1647 г., дополняющее наказ о переписи от предыдущего года⁴⁴. Правительственные узаконения, которые посвящены отнюдь не демографическим вопросам, тем не менее уловили естественное движение в крестьянских семьях («которые породятся... вновь», «отделились от отцов») и тем самым изменения в состоянии и структуре семей. В актах, как само собой разумеющееся явление, зафиксированы разные варианты выделов семей: из отцовских – взрослых сыновей и замужних дочерей (зятья), из братских – одного брата с семьей от других, от дядей – взрослых племянников, скорее всего женатых.

Из рассмотренных публичноправовых актов XVI–XVII вв. ясно виден достаточный охват родственников, в который включаются периферийные ступени родства и даже свойства. Показательно, что узаконения называют родственников конкретно, и их перечисление выражает степень родства по отношению к мужчине – главе двора-семьи. Характерно, что

⁴² Там же. № 35, 61, 145. С. 54, 78, 125.

⁴³ АПД. М., 1917. С. 66, 79; Там же. М., 1977. С. 78, 79.

⁴⁴ Законодательные акты Русского государства... № 3, 311, 324. С. 30, 214–215, 218–219.

такое номинирование представлено в описательной форме⁴⁵. Важно заострить на этом факте внимание. Законотворцы XVI–XVII вв. в своей практике почти не употребляют в отношении рассматриваемой структурной группы социального обобщения, термин «семья» не фигурирует в их понятийном аппарате. Одним из объяснений отмеченного обстоятельства может стать превалирование патрилинейного счета родства, его ориентация больше на родственные связи, чем на брачные. К тому же с XI–XII вв. заключение брака и оформление семьи, ее внутренняя жизнь находились в ведении церкви⁴⁶, а не светских властей. Однако этот вопрос требует самостоятельной проработки.

Указ 1647 г., называющий отчимов и пасынков, представляет дополнительный интерес, ибо обычай о приеме в семью зятя к дочери, а также мужа к вдове с детьми попал в законодательные акты. В поле его зрения, как и цитированного выше указа 1608/09 г. о стрельцах, оказалась даже организация ведения семейной жизни. Оба указа отреагировали на совместное проживание и хозяйствование главы семьи и его детей или братьев и племянников, что выражено оборотом в «одном хлебе». Он подчеркивает нераздельность семейного коллектива с одним главой, состоявшего из нескольких ячеек, его цельность, крепившуюся общими доходами и хозяйствованием. Замечу, что данное понятие присутствует в ст. 94, 95 Псковской судной грамоты. Оно применено к объединенному хозяйству братьев, совокупно несущих ответственность за отцовский долг, которая возлагается на старшего из них – главу дома⁴⁷. Показательно длительное, двухвековое бытование емкого по смыслу и точного по содержательной сути оборота «в одном хлебе», который стереотипно отражал единство дома, наполненного жителями разной степени родства и ведущими общее хозяйство.

Из просмотренных государственных узаконений предстает тендерный статус женщины. При патрилинейном счете родства субординационное включение женщин в семейные коллективы автоматически подразумевалось; в отдельных случаях, как видно из выше приведенных актов, присутствует социально окрашенный родственный (мать, дочь, сестра, племянница) или брачный (жена, мачеха) статус женщины. Типичные житейские ситуации отражены в узаконениях, связанных с побегам и «сходами» крестьян от своих землевладельцев. Бегство мужчин воспринималось в тогдашнем обществе как естественный поступок (во всяком случае, до Уложения 1649 г.), и источники специально не заостряют на этом внимания. А вот бегство женщин привлекает пристальный взгляд законодателей. Они рассматривают случаи, когда «побежит женка или вдова или девка в чужую вотчину» (Уложение 1607 г.). Интересно, выделение в статье трех стадий в жизни женщины: до замужества – «девка», замужество – «женка» и вдовство. Характерно, что второй этап – «женка» выдвинут на первый план, на следующее место поставлена вдова и на последнее – девушка. Такой порядок отразил существовавшее в тогдашнем обществе ценностное представление о первостепенности репродуктивного этапа в социальной жизни женщины, когда фертильная способность женщины-матери обеспечивает не только выживание, но и демографический прирост в поместно-вотчинном владении в частности и в государственном масштабе

⁴⁵ О. Н. Трубачев отметил, что описательная система родства, действующая в «современных индоевропейских языках», описывает «индивидуальные отношения родственников, разграничивая то, что не было существенно в древности», когда действовала классификаторская система, при которой каждый индивид имел собственное обозначение. «Описательная система, – продолжает ученый, – сменила классификаторскую у индоевропейцев, судя по всему, в глубокой древности, и говоря о славянской терминологии родства, мы понимаем, насколько далека она от классификаторской системы родства, от матриархата в целом. Но в материальном отношении основные славянские названия являются непрерывным продолжением тех индоевропейских, которые порождены древнейшей эпохой» (Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Изд. 2. М., 2006. С. 14).

⁴⁶ Щапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 15–16; Он же. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI–XIII вв. М., 1978. С. 253.

⁴⁷ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 108–109; Он же. Псковская судная грамота. Текст, комментарий, исследование. Псков, 1997 С. 45, 78.

в целом. Это воззрение, по всей вероятности, восходит к раннефеодальному времени, когда община была заинтересована в материальной помощи женщине ее мужа, а также в замужестве девушки, получавшей с выходом замуж такую поддержку⁴⁸. Важна следующая примечательная деталь. Уложение 1649 г. в статьях о бегстве женщин предусматривает случаи, когда «из вотчины или и с поместья сбежит крестьянская дочь девка» или «крестьянка вдова»⁴⁹, но не «женка», как говорило Уложение 1607 г. Что же, по истечении почти полувека законодатели не допускали ситуации, в которой женщина, жена и мать, могла бросить на отца и произвол судьбы, с их точки зрения, своих детей и удариться в бегство? Ведь допускали же они бегство вдов, которые, вряд ли, были не обременены детьми. Сейчас можно лишь предположить, что законотворцы в силу тендерного сознания действовали в соответствии с господствующим представлением, по которому женщина в семье подвластна и подчинена своему мужу, ибо находится от него в материальной зависимости, а дети также были во власти отца.

В бегах, как предполагалось, судьба женщины могла варьировать следующим образом. Если она выходит замуж, причем за крестьянина или бобыля, и у них появляются дети, то все они возвращаются прежнему землевладельцу: «того крестьянина, который женится на чужой женке, отдати... и з детьми, кои от тоя беглая родились» (1607 г.), или: «и ее (девку – *Е.Ш.*)... отдати с мужем ее и з детьми, которых она детей с тем мужем приживет» (1646 г.). Если такая беглянка выходила замуж за вдовца, имевшего детей от первого брака, то его увозили вместе со второй женой, а дети от первой жены оставались на месте своего рождения (1649 г.). Этот казус перекликается с подобным в Уложении 1607 г., которое рекомендовало детей крестьянина от первого брака «с мачихою не отдавать». Если же они «малы» и не достигли 15-летия, то тогда их следовало «пустить с отцом» и, таким образом, с мачехой. Независимо от возраста, дети от первого брака крестьянина, женившегося на беглой, разлучались с отцом в соответствии со статьей Соборного уложения 1649 г.⁵⁰, и в этом смысле норма ужесточилась. Положение, когда бежавший крестьянин, обосновавшись у нового землевладельца, выдавал здесь замуж дочь, девушку или вдову, учтена также Соборным уложением (ст. 17). К старому владельцу возвращалась вся семья крестьянина, включая замужнюю дочь, зятя и их детей. Детей же зятя от первого брака рекомендовалось «челобитчику (землевладельцу – *Е.Ш.*) не отдавать».

Судьба вдов, вышедших вторично замуж в бегах (ст. 15, 16), решалась по владельческой принадлежности их первых мужей. Вдова с новым мужем возвращалась к своему прежнему владельцу, за которым ее первый муж был записан в писцовых и переписных книгах; если же он не был занесен в эти книги, то вдова оставалась с вновь обретенным мужем у нового землевладельца⁵¹.

Принцип канонической нерасторжимости брака, явно выступающий из разобранных казусов Уложения (гл. XI), наиболее отчетливо провозглашен в ст. 68 гл. XX «Суд о холопах», которая гласит: «по правилу святых апостол и святых отец жены с мужем разводить не велено, где муж, тут и жена, кому, жена, тому и муж»⁵².

Важно сопоставить воззрения на брак светского и церковного законодательства. Брачные отношения находились в ведении церкви, и светская власть, судя по только что приведенной статье Соборного уложения 1649 г., следовала за церковной в этой сфере. Повторным бракам в случаях вдовства одного из супругов, равно как и первым, уделил внимание

⁴⁸ Шапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси. С. 18.

⁴⁹ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 65–66.

⁵⁰ Законодательные акты Русского государства... С. 75; Соборное Уложение... С. 66.

⁵¹ Соборное Уложение... С. 66, 236.

⁵² Там же. С. 110.

Стоглав, многоплановый памятник постановлений церковного Собора 1551 г. Он допускал вторые и третьи браки, когда венчались вдовец с девицей или вдова с юношей или брачались вдовец с вдовой. Третий брак с точки зрения церкви был совершенно нежелателен, так как «нужа ради телесные бывает»⁵³. Только первый брак церковь считала «законом». Вступившие во второй брак не допускались к причастию в течение двух, а троеженцы пяти лет. Четвертый брак квалифицировался как «свинское есть житие»⁵⁴. Венечные пошлины для вступающих во второй и третий браки несли в себе штрафные санкции. Если брачащиеся первым браком платили 1 алт., то вторым – 2, а третьим – 4 алт. Священники обязывались выяснять, не состояли ли жених и невеста в кровном родстве, кумовстве, сватовстве. Брачные нормы Стоглава действовали вплоть до 1830 г. То обстоятельство, что 5 статей Стоглава внушают священникам их обязанность, доводить до паствы незаконность второго и третьего браков, со всей очевидностью показывает, что такие браки могли существовать без соблюдения церковных правил.

Называя возраст, ранее которого браки нежелательны, Стоглав никак не высказался по поводу значительной разницы в годах между супругами. По всей вероятности, по представлениям людей XVI–XVII вв. не было ничего предосудительного в браках с большим возрастным разрывом между партнерами. Стоглав, обобщая практику и придавая ей правовую юрисдикцию, предусмотрел вариант женитьбы вдовца на девице и выход вдовы за юношу, когда для вдовых людей брак был вторым, а для девушек и юношей – первым. Примечательно, что Стоглав сфокусировал внимание на возрасте брачащихся только первым браком, причем регламентируя его нижнюю грань (15 и 12 лет) и ссылаясь при этом на следование «священническому чину» (гл. 18), т. е. придерживаясь канонических норм⁵⁵.

Еще некоторые стороны семейной жизни крестьян подверглись нормативному упорядочению, и именно в Соборном уложении 1649 г. Отпуск крестьянок (девушек и вдов) замуж в другие владения санкционировался выдачей «отпускной» за подписью землевладельца или его духовного отца, уплатой вывода за невесту, размер которого определялся договором и вносился в отпускную. «Отпускать» крестьянок замуж могли сами помещики и вотчинники, и «или чьи приказчики и старосты». Последним дворяне, конечно, были вправе препоручить одну из своих обязанностей, однако относительное местоимение «чьи», синонимичное «который», позволяет отнести приказчиков и старост также и к монастырским владениям, дворцовым и черным волостям. Уплата свадебных пошлин за крестьянских невест – стариннейшая обычная норма⁵⁶, теперь она вошла в общегосударственный кодекс. «С свадеб венешные пошлины» ежегодно собирали земские старосты в северных черносошных волостях в XVII в., они в составе неокладных доходов шли на нужды местного и центрального аппарата⁵⁷. Вряд ли необходимо пояснение для этой нормы, регулирующей выдачу женщин замуж в другие владения и ставящей до некоторой степени под контроль землевладельца и общины выбор брачной партии, норма самым непосредственным образом вторгается в образование семьи.

Нарушение женщинами нравственных устоев, обусловленных церковной моралью и брачной моделью, закон сурово карал (Соборное уложение 1649 г., гл. XXII). Битье кнутом ожидало «жонок и девок», склоненных сводником, будь то мужчина или женщина, к «блудному делу»; сводничество получило в Уложении этическую оценку как «беззаконное и скверное» деяние (ст. 25). Существовавшие представления о женщинах, имевших вне-

⁵³ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 287–289.

⁵⁴ Там же. С. 287.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См.: Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 203.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 141. Он. 1. 1626. № 26. Л. 94.

брачных детей, закреплены в выражении: «которая жена учнет жить блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей». Женщина, которая убивала своих детей, рожденных вне брака, «сама» и ее соучастник – «иной кто по ее веленью» – наказывались жестоко, смертной казнью (ст. 26). В данном случае смертная казнь не только наказание за преступление, приравненное к уголовному, но и акт устрашения, выраженного сентенцией: «чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали и от блуда унялися»⁵⁸.

Итак, круг крестьян-родственников, который фигурирует в рассмотренных законодательных актах середины XVI – середины XVII в., был разветвлен и, что самое важное, конкретно выражен. Родство представлено несколькими уровнями, каждый из которых имеет некую степень обобщения. Она такова, что позволяет исследователю аналитически соотнести существовавшие ступени родства со структурными типами. Это – семьи супругов с детьми, двухпоколенные, а по своей форме – малые; отцовские и братские с их детьми, двух- и трехпоколенные, многоячейные, а по форме – неразделенные; последние были потенциально мобильны для выделов новых малых семей. Содержащееся в узаконениях обобщение не абстрагировалось от конкретных родственных уз, которые сохраняли первостепенность, так как были укоренены в социальной среде.

Попадание родственной номенклатуры независимо от воли разработчиков в законодательные акты, которые преследовали свои определенные цели, не связанные с регулированием семейных отношений, затрагивало частную и повседневную жизнь крестьян. Это обстоятельство, во-первых, опосредованно сказывалось на консервации состава семей и внутренних отношений в них, способствовало постепенному внедрению контроля, особенно со стороны частных землевладельцев, за семейной жизнью крестьян, что привело в конце XVII–XVIII вв. к регламентации их семейно-брачных отношений. Помещики нарушали даже каноническое правило нераздельности крестьянских семей, когда детей отторгали от родителей⁵⁹. Во-вторых, крестьянин и его семья за рассматриваемое время были лишены права предпочтительного выбора места жительства с наиболее благоприятным для себя режимом существования, затруднено было и изменение социального статуса. Стремление наиболее мобильных крестьян к увеличению благосостояния семьи было ограничено и сковано. Свобода выбора стала в представлениях крестьян ассоциироваться со свободой передвижения. Воплощение ее в жизнь влекло преследование крестьян по закону и водворение на прежнее место приписки и жительства. Такие внешние общие условия, несомненно, воздействовали на частную жизнь крестьян, приносили в нее жесткость внутренних отношений, крепившую авторитарность главы семьи и подчиненность ему.

Приведенный законодательный материал, в той или иной степени касающийся людей, связанных родственными узами, и опосредованно вытекающие из него обыденные последствия наглядно демонстрируют место семьи в сфере переплетения публичного и частного, общественного и личного.

Особый интерес представляет Домострой, в редактировании которого, а возможно, составлении участвовал священник Благовещенского собора Сильвестр. Принадлежа к жанру учительной литературы, памятник содержит собрание нравственных, юридических и обиходных норм, которые предлагались состоятельной городской семье. В части, относящейся как раз к ведению и «доброму» содержанию домохозяйства, встречается термин «семья». В главе с наказом ключнику о приготовлении постной и мясной еды (гл. 18 и 51 первой и второй редакций) термин вынесен в заголовок «...и кормить семья в мясоед и в пост», и он употреблен в собирательном смысле, обобщающем устойчивую социальную ячейку. Глава дома – «государь», прежде чем дать распоряжение ключнику, должен «з женою о вся-

⁵⁸ Соборное Уложение... С. 129–131, 384.

⁵⁹ Александров В. А. Сельская община в России. XVII – начало XIX в. М., 1976. С. 303–309.

ком обиходе домашнем посоветовати», о блюдах в постные и мясоедные дни, о приготовлении напитков, которые надобно «носить государю и его жене, про семью, и про гость». Изложив возможные варианты обедов и ужинов, составитель «домоводческой энциклопедии» дает рекомендации по кулинарии. Он предваряет их следующим заголовком: «Наказ от государя или от государыни ключнику и повару, как варити на семью, челяди или нищите, скоромную и постную еству»⁶⁰. Содержание главы вполне определенно отделяет хозяина городской усадьбы – «государя» с женой-«государыней» и детьми, т. е. семью, от челяди: слуг-мужчин, «женок челяденных», «девок и робят», а также от «лутчих людей приказных» или торгующих. При многоотраслевом домовом хозяйстве зажиточного горожанина, наполненном гостями, разными слугами, привечаемыми нищими, его семья отчетливо выступает как брачно-родственная ячейка, самостоятельная и главенствующая в доме. Между семьей «государя» и челядью улавливается известная дистанция, а тот факт, что «отрадные» люди из нее удостаивались «прибавки остатков» с «государева» стола, лишь подчеркивает это.

Обратимся к рассмотрению крестьянских семей, бытовавших в повседневной реальности XVI–XVIII вв. Заглянуть внутрь крестьянского двора и познакомиться с семьей севернорусских крестьян позволяют, до некоторой степени, подворные переписи населения, в частности 1678 г. и так называемая «ландратская» 1717 г.; преимущество последней состоит в том, что в нее внесены и женщины. Переписные книги 1717 г. зафиксировали конкретные семьи с мужским и женским кругом родственников. По переписи 1678 г., включавшей только мужчин, отчетливо видна поколенная, нисходящая (деды-отцы-внуки) организация семьи. Объектом таких переписей был двор – посадский в городе, крестьянский в селе или деревне, и мужчина, обозначенный во дворе, был его главой и одновременно отцом семейства.

Проведенное в свое время изучение родственного состава дворов у монастырских и помещичьих крестьян Вологодского у. в конце XVII – начале XVIII в. убедило меня в том, что жители двора, как правило, представляли собой семью, они были связаны той или иной степенью родства или свойства и наряду с родственными также и хозяйственными отношениями. Присутствие во дворе чужеродцев – пасынков, приемышей, подворников и даже свойственников – зятьев, шуринов – переписчики обычно оговаривали. Такие дворы немногочисленны (2–7 %). Господствующей формой семьи была малая, нуклеарная, а ведущим ее типом – двухпоколенная семья супругов с неженатыми детьми. Неразделенная семья существовала в границах трех поколений и троюродного родства, а преобладающий ее тип – братская, т. е. семьи двух-трех женатых братьев, как с холостыми, так и женатыми детьми. Наиболее характерная численность семей в 4–6 чел. обоего пола, а предел численности был обусловлен типологией семьи и редко превышал 12–14 чел. За почти четыре десятилетия, прошедшие между переписями 1678 и 1717 гг., усложнился структурно-поколенный состав семей за счет увеличения неразделенных, однако это в целом не повлияло на преобладание малой семьи как формы у вологодских крестьян⁶¹.

Исследователи аграрных отношений на Северо-Западе России также пришли к заключению, что на протяжении XVII в. крестьянский двор населяла, как правило, одна семья. В XVI – первой четверти XVII в. малая форма семьи преобладала в Новгородских пятинах, Псковском у., Заонежских погостах, в Подвинье. Структура семей, детально прослеженная по переписным книгам 1646–1649, 1678–1679 гг., показала, что в разных районах Северо-Запада у крестьян различных владельцев: помещичьих в Шелонской пятине Новгородского у, монастырских в Белозерском у., а также у черносошных в Заонежских погостах и Двинском у. – малая семья была основной формой, а типологические сдвиги во второй половине XVII в. происходили за счет перераспределения отцовских семей в пользу братских. Пре-

⁶⁰ Домострой. СПб., 1994. С. 27, 120.

⁶¹ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976. С. 35–40.

валировали семьи в 2 и 3 поколения, а их численность изменялась от 4–5 до 7–8 чел. обо-его пола⁶². На поморском Севере, в Подвинье в начале XVII в. также преобладали малые индивидуальные семьи, хотя на Пинеге (одном из трех обследованных районов) отцовские и братские неразделенные семьи несколько (на 5 %) превышали малые⁶³. Усложнение структуры вело и к повышению численности жителей двора. Генетическая связь малой и неразделенной форм семьи проявлялась в том, что последняя на определенном этапе своего существования видоизменялась, из неразделенных выделялись малые семьи.

Следующее обстоятельство нужно принять во внимание. Выше я говорила об усложнении структуры крестьянской семьи, которое отчетливо проявилось к концу XVII в. Исследователи социально-экономических отношений единодушно отмечали произошедшее к этому времени укрупнение крестьянского двора, увеличение числа жителей в нем. Эти изменения связывают со сменой после переписи 1646 г. единицы податного обложения государственными налогами: вместо поземельной сохи ею стал двор, крестьянский в деревне, посадский в городе. Правда, при подворном (даже при подушном в XVIII в.) обложении, как и ранее при посошном, в вотчинах и северных чернососных волостях крестьяне продолжали разверстывать налоги с учетом имевшейся земли, хозяйственных сил и средств плательщиков – «по животам и промыслам». Крестьянские семьи вполне определенным образом отреагировали на введение более жесткого обложения, хотя и смягчаемого раскладкой внутри общин. Стремясь сохранить, поддержать свой материальный уровень, они сменили жизненную стратегию и выбрали совершенно конкретный путь, а именно – сдерживание семейных разделов.

Наблюдения над семьями вологодских монастырских и помещичьих крестьян показало, что от 1678 к 1717 г. приросло число семей, в которых продолжали жить вместе с родителями женатые сыновья со своими детьми, женатые братья с холостыми и женатыми детьми, женатые дяди с холостыми или женатыми племянниками.

Такое разрастание семей свидетельствует о сократившемся выделе молодых супружеских пар. Между 1710 и 1717 гг. разделившиеся семьи вологодских крестьян не превышали 16 %. Чаще всего делились семьи с боковыми родственниками: женатые дяди и племянники, родные и двоюродные братья⁶⁴. Судя по превалированию малой индивидуальной семьи, которое констатируется на основе переписи 1678 г., семейные разделы во второй половине XVII в. совершались интенсивнее, чем в начале XVIII в.

Важным показателем было число детей в крестьянской семье. Подворные переписи конца XVII – начала XVIII в. регистрировали население, наличное на момент описания, включая и детей. По их данным можно выявить число детей в семье, выживших в невзгодах крестьянской жизни. У вологодских монастырских и помещичьих крестьян по переписи 1717 г. дети составляли треть всего населения, а их число на одну семью редко превышало 6 чел., семьи с 7–11 детьми были редки. Преобладали семьи, имевшие 1–3 детей (у монастырских таких – 3/4, а у помещичьих – 2/3).

В возрасте до пяти лет процентное соотношение мальчиков и девочек одинаково, в следующих группах 6–10 и 11–15 лет уменьшается общее число детей, а соотношение между полами складывается в пользу мальчиков. У монастырских крестьян на 100 мальчиков приходилось по возрастным группам: 0–5 лет – 85 девочек, 6–10 лет – 78 и 11–15 лет – 75, у помещичьих – 87, 70, 63 девочки соответственно по возрастным группам. Среди детей всех

⁶² Аграрная история Северо-запада России XVII в. Л., 1989. Гл. 5. С. 55–62 (Автор главы О. Е. Кох).

⁶³ Александров В. А. Обычное право... С. 58–59. Он скорректировал в соответствии со структурными типами семей данные, приведенные А. И. Копаневым в его книге: Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 120–121. См. также: Кох О. Е. Крестьянский двор и крестьянская семья на русском Севере в конце XVII – начале XVIII в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1987.

⁶⁴ Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 36–39, 166–167.

возрастов на 100 мальчиков приходилось в семьях монастырских крестьян 80, а помещичьих – 75 девочек⁶⁵.

Половозрастной состав детского населения показывает, во-первых, значительную смертность детей после пяти лет, во-вторых, более благоприятную ситуацию воспроизводства у вологодских монастырских, чем у помещичьих крестьян. У последних детская смертность была, по всей вероятности, выше, чем у монастырских. Преобладание мальчиков над девочками свидетельствует либо о худшей выхаживаемости последних и потому их большей смертности, либо о менее точном их учете при переписи, ориентированной, прежде всего, на регистрацию мужчин.

Важным вопросом для истории семьи является возраст вступления в брак. Сфера брачных отношений, как уже упоминалось, находилась в ведении церковного права. Стоглав 1551 г. говорит об обручении и венчании, регламентируя эти ответственные моменты жизни человека. Глава 18 предписывает священникам действовать «по чину». Для вступающих в первый, законный брак оговорен возрастной показатель: священники должны венчать отроков не ранее 15, а девушек 12 лет. Сочетать браком молодых людей ранее этого возраста запрещалось. Священник обязан был совершать обряд венчания после обедни, а не после вечерни и никак не «в ночи»⁶⁶. Эта глава церковного уложения внесоциальна, она регламентирует действия и обязанности священника, возлагает на него ответственность при совершении таинства брака.

Случайно ли пятнадцатилетие мужчин принято за границу брачного возраста, связано ли это с понятием совершеннолетия и было ли такое понятие? На этот вопрос нужно дать утвердительный ответ. В XVI–XVII вв. именно в 15 лет сыновья вотчинников и помещиков вступали на государеву службу – «верстались новиками». Пятнадцатилетние крестьянские юноши также считались совершеннолетними, они могли возглавить самостоятельное хозяйство и нести тягло, которое было показателем социального статуса, а не только податной обязанностью. Пятнадцатилетие как рубеж, отделявший отрочество от совершеннолетия, причем единый для разных сословных категорий – дворян, посадских людей, крестьян, – зафиксировано в указе 1641 г., который запрещал холопить (принимать в кабальные холопы без старших родственников) детей, не достигших 15 лет⁶⁷.

Существовало ли в русском обществе XVII–XVIII вв. представление о верхней границе для заключения брака? Вернее, в каком возрастном пределе вступление в него считалось нормальным? В Уложении 1607 г. есть статья об отпуске на свободу холопов, которых их господа не женили и не выдали замуж до определенного возраста⁶⁸. Интересны упоминаемые в ней возрастные показатели. Не рекомендовалось держать и не выдавать замуж – женить «рабу до осмнатцати лет девку, а вдову молоду после мужа более дву лет, а парня холостого за 20 лет». Характерна мотивировка, имеющаяся в статье: «не держи неженатых над закон божий и правила святых отец, да не умножится блуд и сквернодеяние в людех»⁶⁹. Эта статья, думаю, отразила направляемое и поддерживаемое церковью морально-этическое воззрение и потому свойственное разным социальным категориям и группам, что девушек следует выдавать замуж к 18, а юношей женить к 20 годам.

В 30-е гг. XVIII в. в пошехонской вотчине П. М. Бестужева-Рюмина тяглый возраст крестьян начинался в 15 лет; во второй половине XVIII – начале XIX в. этот возраст повысился до 16–18 лет, судя по данным центральнорусских имений М. М. Голицына, Ф. В. Сама-

⁶⁵ Там же. С. 20–23.

⁶⁶ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 287.

⁶⁷ Законодательные акты Русского государства... С. 195. Комментарии. С. 200–201.

⁶⁸ О причине появления этой статьи в Уложении см.: Пажух В. М. Холопство в XVI – начале XVII в. Л., 1975. С. 210–211.

⁶⁹ Законодательные акты Русского государства... № 57. С. 76.

рина, Гагариных, пермских владений Строгановых⁷⁰. С определенной долей осторожности можно говорить о повышении в XVIII в. возраста совершеннолетия. В тогдашнем обществе 15–20 лет для юношей и 12(13)—18 лет для девушек считались наиболее приемлемыми и потенциально репродуктивными для вступления в брак.

Закон Петра I о дворянском единонаследии от 1714 г. устанавливал брачный возраст для мужчин в 20, а женщин в 17 лет. Однако браки продолжали оставаться в компетенции церкви, и нормы Стоглава действовали в течение всего XVIII в. Синод в 1744 г. повысил на 1 год брачный возраст для девушек до 13 лет. Окончательно нормы Стоглава в этом вопросе были отменены только в 1830 г.⁷¹ Правда, А. С. Павлов, ссылаясь на дело (№ 291) синодского архива, приводит данные из трактата о порядке и условиях совершения брака, который был составлен санкт-петербургским архиепископом Гавриилом Кременецким «от лица Св. Синода» в 1765 г. Из него следует предписание «не венчать жениха, коему нет от рождения 17, також невесту, коей нет же 15 лет». Не рекомендовалось венчать вдовца или холостого жениха, «коему уже 60, також и невесте, коей 50 лет от рождения миновало». Воспрещались неравные браки, «великое неравенство в летах имеющих», 17– или 18-летнего юноши и 35–40-летней невесты, равно как и 50–55-летнего мужчины и юной 17–18-летней невесты⁷².

При том, что у крестьян 15–16-летние сыновья вступали в брак и слыли готовыми для исполнения генеративной роли и социальной – организации хозяйства и несения тягла, посмотрим, удавалось ли таким молодым мужчинам в обычных, не чрезвычайных обстоятельствах возглавлять хозяйство и каков наиболее характерный возраст глав дворов. Возраст дворохозяев был прослежен по материалам переписи 1717 г. Вологодского у. для помещичьих и монастырских крестьян⁷³. Главы дворов были распределены по возрастным группам, составленным по десятилетиям, за одним исключением: первая из них с показателем от 16 до 20 лет, затем от 21 до 30 лет и так далее до 80 лет и выше. Большинство дворов возглавляли крестьяне в возрасте от 41 до 60 лет, у монастырских таких дворов 50,2 %, а у помещичьих 56 %, причем дворохозяев до 50 лет и от 51 до 60 лет примерно одинаковое число (у монастырских – 26,5 и 24 %, а у помещичьих 28,3 и 27,6 % соответственно по возрастам). Мужчин глав хозяйств после 30 и до 40 лет было у монастырских крестьян 20 % (или 1/5), а у помещичьих – 16 % (или 1/6). Приблизительно одинаково число дворов, где во главе стояли 21–30-летние мужчины: 8,1 % у монастырских и 7,6 % у помещичьих крестьян, а также 61–70-летние хозяева – 12,4 % у монастырских и 10,1 % у помещичьих; 21–30-летних глав было в два с лишним раза меньше, чем в следующей группе 31–40-летних. Главы дворов в 16–20-летнем возрасте были редки, таких 2,3 % у монастырских и 1,4 % у помещичьих крестьян. Также немногочисленны и семьи, возглавляемые стариками старше 70 лет – 3,2 и 5,8 % соответственно по категориям крестьян.

Приведенные данные показывают, что шансы возглавить самостоятельное хозяйство появлялись у крестьян, как правило, когда они достигали 30 лет и в интервале до 40 лет. Минимальное число глав семей 16–20-летних свидетельствует о включенности молодых супружеских пар в отцовское хозяйство. Именно возраст от 31 до 40 лет был тем периодом семейной стратегии, в который происходили выделы из общего хозяйства женатых сыновей с семьями и братьев в неразделенных отцовских и братских семьях.

⁷⁰ Осьминский Т. И. Бюджет крестьян Пошехонской вотчины П. М. Бестужева-Рюмина (1731 год) // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 356; Александров В. А. Сельская община в России. М., 1976. С. 206, 304–305.

⁷¹ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 437.

⁷² Павлов А. С. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. С. 346.

⁷³ Характеристику переписных книг 1678 и 1717 гг., число дворов у монастырских и помещичьих крестьян, на основе которых изучена демография семей, см.: Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 12–19. Нижеследующие данные о вдовах-домохозяйках в монографии не приводились.

Складывались жизненные ситуации, когда крестьянские домохозяйства возглавляли вдовы. Их зафиксировали как писцовая книга Сольвычегодского у. 1622–1625 гг., так и перепись 1717 г. Вологодского у. По данным писцовой книги в семи наиболее крупных волостях уезда: Алексинской, Антропьевой слободе, Вилегодской, Лальской, Лузской Пермце, Окологородной и Ратмировской из общего числа в 2652 двора хозяйств, руководимых вдовами, оказалось – 56 или 2,2 %. Таких дворов в 1717 г. тоже немного, они составили у монастырских и у помещичьих крестьян по 2 %. Принимая во внимание относительность подсчетов на две хронологические даты с интервалом почти в 100 лет, все-таки можно судить о существовавшей упорядоченности, обусловленной наряду с демографическими факторами ментальными устоями в обществе. Малое число хозяйств, возглавляемых женщинами, свидетельствует об исключительности подобных случаев, а главное, об ориентации и государства, и вотчинников в социальной практике, особенно явственно проявлявшейся в фискально-податной сфере, на мужчину-дворохозяина, способного тянуть тягло.

Писцовая книга Сольвычегодского у. 1622–1625 гг. дает возможность углубиться в рассмотрение сюжета. В ней составители по-разному регистрируют женщин-глав домохозяйств. Так же как и мужчины, вдовы именуются с большей или меньшей полнотой. Важно, что первым называется собственное имя женщины с добавлением имени мужа в форме притяжательного прилагательного и его прозвания: Катерина Селивановская жена Ногавицына, Домница Левкинская жена Ермолина, Агафья Родионовская жена Юрьева, Устинья Григорьевская жена Офонасьева, Марьица Яковлевская жена Лихачева, или прозвание мужа опускается – Соломонида Никитинская жена, Марья Олферовская жена, Анница Григорьевская жена, Маремьяна Денисовская жена, иногда дается имя женщины в сочетании с именем мужа – Соломонида Федоровская, Фетинья Терентьевская, Фекла Пантелеевская, Алимпейка Силинская – или с его фамильным прозвищем – Параньица Попова, Хавронья (Февронья – *Е.Ш.*) Лихачевская, Федосья Пьянковская либо просто по имени – вдова Марьица, Домница, Василиса⁷⁴. Вдовы во дворах показаны одни (8 случаев), с сыновьями, большей частью с одним (18 случаев) и с двумя (10 случаев), редко с тремя-четырьмя. Так, в Вилегодской вол. один из двух дворов в д. Дяткинской значился за вдовой Пестелиньей Терентьевой женой Нечаева с сыном Данилкой, и отмечено, что он – «мал». Такое примечание писцов о явно детском возрасте сына вдовы встретилось в книге единожды, по-видимому, она привела веский довод в его пользу. В другом дворе написан Завьял Нечаев с братом Ермолкой, и они владеют землей по «купчей 1600 г.». Вдова, бывшая замужем за их третьим братом Терентием Нечаевым, владеет участком «по одной купчей» с братьями мужа, но раздел с ними был произведен до писцового описания⁷⁵. В д. Еремено Евсеевская, а «Большой двор тож» в Окологородной вол., жила Параньица Попова с четырьмя сыновьями Максимком, Ивашком, Федкой, Ивашкой и владела участком по купчей 1605 г.⁷⁶ Когда писцы во дворе записывали только одну вдову, то это не означало, что она была одинока, конечно, у нее бывали дети, среди них несовершеннолетние или молодые сыновья и дочери. Лишь единичны домохозяйства вдов с внуками: в д. Черная речка Окологородной вол. названа вдова Анна Девятова с внуком Данилкой, державшая хозяйство по купчей 1583 г., в д. Василево вол. Лузская Пермца в одном из пяти дворов – Марьица Юрьевская жена, у нее внук «Севко»⁷⁷.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 446. Л. 114об.-115, 211об., 340, 600, 620об., 220, 323, 407, 845об., 222об., 226, 609об., 583об., 10об., 610об., 603, 42об., 219об., 227. Имена здесь и далее даются в написании источника.

⁷⁵ Там же. Л. 752.

⁷⁶ Там же. Л. 101об.

⁷⁷ Там же. Л. 109, 602об.

Вчитываясь в подворные записи писцовой книги, удастся проникнуть в родственные отношения жителей дворов. Так, в Окологородной вол. в двухдворной д. Устиновская хозяйствовали Офимьица Иванова жена Федотова и в другом дворе – Ивашко Федотов с сыновьями Ивашком и Пятункой, и оба двора владели землей по одной купчей 1597 г.⁷⁸ Из именования Офимьицы ясно, что она была замужем за Иваном Федотовым, который был братом живущего в другом дворе также Ивана Федотова, и ему вдова приходилась снохой. Тот факт, что братья имели одно имя Иван, не удивительно, оно было очень распространенным, так как в святцах несколько святых с именем Иоанн, дни памяти которых распределены на протяжении года⁷⁹. Антропонимические наблюдения, проведенные мной в свое время на материалах переписи 1717 г., показали высокую частотность употребления имени Иван, а также бытование внутрисемейной одноименности среди вологодских крестьян⁸⁰. В Алексинском стане в двухдворной д. Петримова в первом хозяйстве жил Родька Омелянов сын Кривошапкин с сыновьями Мишкой и Тараском, а во втором дворе – вдова Маланья Петровская жена Кривошапкина с сыном Осипом. Судя по фамильному прозвищу, Маланья Кривошапкина была женой Петра Кривошапкина, брата Родьки, последний и Маланья доводились друг другу деверем и снохой. Владение землей указано для двора Родьки Кривошапкина по купчей 1569 г. и мирской данной 1584 г., и на основе названных актов участками обладали, скорее всего, оба хозяйства⁸¹. В д. Павлищево Окологородной вол. в одном из двух дворов хозяйствовал Андрей Иванов с сыновьями Панкратом и Митькой на основе мирской данной 1572 г., а другой двор вдовы Татьяны Григорьевской жены стоял пустой, но его землю «пашет» уже названный Андрей Иванов⁸². Обрабатывать второй участок ему было по силам, ведь у него два взрослых сына, внесенных в книгу. Возможно, мирская данная была получена на участок, ставший со временем общим для двух дворов, а он и вдова могли быть в родстве. В д. Бородинской Вилегодской вол. первым из трех дворов владела по купчей 1585 г. вдова Ульянка Федорова Орефина с сыном Ваской, а во втором хозяйствовал по мирской данной грамоте 1623 г. Богдашко Орефин с сыном Первушкой⁸³. Судя по общему их прозвищу Орефины, Ульяна была замужем за Федором, братом Богдана, скорее всего старшим. Ведь вдова осталась на жеребье мужа, приобретенном за 40 лет до проводимого писцового описания, а Богдан взял землю из мирского резерва только в 1623 г., и совершенно ясно, что к моменту описания братья вели отдельные хозяйства. В вол. Лузская Пермца в деревне (без названия) в жилом дворе значится вдова Катерина Федотовская жена Кирьянова с сыновьями Терешей и Парфеном. Второй двор пуст – бобыля Киприяна Трофимова, который, как отметили писцы, «умер»⁸⁴. Обычно такие сведения в писцовые в книги не вносились. Видимо, в данном случае по веской для писцов причине они выделили это событие, произошедшее недавно или, возможно, даже при описании ими деревни, или из-за имевшейся между обоими дворами связи, ведь они обладали землей по старине.

Привлекают внимание варианты, которые проявляются сквозь призму сведений писцовой книги. Такой сложился в д. Чюпаново или Взвозная в Ратмировской вол. Она состояла из трех дворов, причем в двух из них жило по вдове. В одном хозяйствовала на основе данной грамоты 1624 г. вдова Маремьяна с сыном Омелькой, и она держала половника Они-

⁷⁸ Там же. Л. 115.

⁷⁹ См.: Именослов. Киев: Издательство Киево-Печерской лавры. 2010. С. 100–104.

⁸⁰ Бакланова Е. Н. Личные имена вологодских крестьян по переписи 1717 г. // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики. М., 1970. С. 310–311. Из 6760 мужчин с именем Иван насчитывалось 1189 (17,6 %) человек.

⁸¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 446. Л. 229.

⁸² Там же. Л. 321.

⁸³ Там же. Л. 703.

⁸⁴ Там же. Л. 605.

сима Драчова. В другом дворе – вдова Марьица Яковлева жена Нечаева. Интересно именно ее домохозяйство.

В деревне писцы первым обозначили двор Первушки Нечаева, который владел жеребьем по купчей 1599 г., и у него был половник Левка Карпов. Хозяин двора и вдова Марьица – оба Нечаевы, и они не чужие друг другу. Их взаимное отношение становится ясным из указания на основание, по которому Марьица владела участком, а именно по одной «купчей со свекром» Первушей Нечаевым, откуда следует, что она была женой его умершего сына. В Объячевском погосте вол. Лузская Пермца имелась д. Марковская из трех дворов, в первом значится Иван Титов, владевший им по духовной грамоте, дата которой не указана. Второй двор пуст, однако его землю пашет Полуян Федоров. В третьем дворе жили Васка Федоров с братом Полуянком, который обрабатывал участок соседа, и братья обладали своим жеребьем по купчей 1586 г. К деревне «на той же земле в выставке» показаны 2 двора, и в каждом из них по вдове: одна – Варвара Онцифоровская с сыном Мишкой, владевшая по купчей 1615 г., а другая – Дарьица Титовская – по духовной 1619 г., и землю ее двора «пашет Иван Титов», то есть хозяин первого двора основной деревни Макаровской. В именовании Дарьицы вторая часть Титовская говорит о ее принадлежности к Титовым и родственной связи с Иваном. Свои земельные участки они держали скорее всего по одной и той же духовной, дата которой приведена в сведениях о дворе Дарьи. Данный факт дополнительно подтверждает ее родство с Иваном, а также вполне может означать, что грамота хранилась именно у нее, вдовы, ее преклонный возраст и передачу участка в обработку родственнику, более молодому, чем она⁸⁵.

По данным переписи 1717 г. Вологодского у. хозяйками дворов у монастырских крестьян были женщины от 41 до 60 лет, а у помещичьих – вдовы в возрасте от 31 до 50 лет, что подтверждает приведенное раньше наблюдение о менее благоприятном демографическом климате у второй категории крестьян. Овдовев или по иной причине лишившись кормильца, женщины, нередко с малолетними детьми, были вынуждены скитаться «в мире от хлебной скудости», кормиться подаванием. За период с 1710 по 1717 г. скитальчество женщин находится на втором месте среди причин их убыли: смерть вырывала 53,5 %, а скитальчество 20,7 % всех убывших женщин⁸⁶.

Рассмотрение законодательных актов в сочетании с конкретными данными о составе семей убеждает, что в актах воспроизводились их отдельные звенья, которые совокупно соответствовали строю реально бытовавших крестьянских семей. Демографическое поведение объективировалось и включалось в нормативную практику. Проделанное сравнение свидетельствует также о нерелексированном приказными деятелями представлении о составе тогдашних семей, которое вошло в разработанные ими узаконения. Необходимо еще раз подчеркнуть выявленные в публичноправовых актах указания на реальные родственные узы и предпочтение их обобщающему термину «семья». Полученный вывод, безусловно, можно считать ценностной нормой, которая была присуща социальной и правовой культуре рассматриваемого времени.

Заслуживает внимания наблюдение, сделанное при изучении семейно-брачных отношений по актам и статутам правителей Прованса в XII–XIV вв. Семья в этом регионе тогда не имела «однозначного обозначения и понимания. Представления о семье и отношение к ней отражено в терминологии родства и в сведениях о "доме", "очаге", "фамилии", подразумевавших семейное единство»⁸⁷.

⁸⁵ Там же. Л. 326об., 610.

⁸⁶ Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 18–19.

⁸⁷ Тушина Г. М. Демографические аспекты социальной истории Прованса XII–XIV вв. // Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты. М., 1993. С. 85–86.

Однако термин «семья» в российском обществе, как можно было уже убедиться, существовал и бытовал в обыденной жизни XVII в. Документ от 1638 г. – «засетка», вышедший из недр посадского земского мира Сольвычегодска, решал животрепещущий вопрос о налогах. Он устанавливал порядок их раскладки и явки участников на сход. Посадские люди на него должны приходить «дани розрубать из семей по одному человеку, которые писаны в окладных книгах, а не семьями». Если некоторые придут от «одное семьи человека по два или по три», то они будут удалены. Сход постановил, что семью и хозяйство должен представлять ее глава без сопровождения сыновей или братьев⁸⁸.

Важно установить, как обстояло дело с понятием «семья» на уровне самой группы, им обозначаемой? Употребление к супругам привычных терминов «муж», «жена» было вполне обычным, однако в повседневности встречалось и другое понятие.

Примечательно свидетельство следующего документа – данной грамоты от 1600/01 г. землевладельца Вологодского у. Степана Семенова сына Трусова игумену Спасо-Прилуцкого монастыря Гурию. Он с сыном Ларионом дал в монастырь «на поминок деревню Щапово со всеми угодьи и со хрестьяны по приказу брата своего Ивана и по духовной памяти за его Ивановою рукою». С 1600 г. и впредь за этот вклад в монастыре должны «брата моего Ивана поминати, а моего дядюшку, и понахиды по нем пети и обедни служите собором и кормы ставити». Наряду с поминовением данная содержит условие, относящееся к вдове усопшего И. С. Трусова: «И что старица Варвара, бывшая семья его, Иванова, в монастыре у Николы чудотворца на Валухе пострижена, и тое старицу Варвару за тот вклад покоити». По ее смерти «игумену з братьею старицу Варвару в монастыри погresti, а поминати ея и кормы ставити»⁸⁹. В рассматриваемом случае термин «семья», во-первых, находится в деловом документе, оформлявшем вклад в Спасо-Прилуцкий монастырь земельной недвижимости, причем вместе с живущими в деревне крестьянами; во-вторых, он относится к вдове завещателя, которая приняла постриг в местном монастыре.

В приходо-расходной книге того же Спасо-Прилуцкого монастыря за 1604/05 г. под 13 апреля содержится предельно четкая запись: «Дал на сорокоустье по Антомонове семье Елене сорок алтын»⁹⁰, из которой следует, что «семья» – это, безусловно, жена.

В 1626 г. «Наталиа Иванова дочь Соколова, а Орловская бывшая семьишко, Сухонского Нововышлого стану» Устюжского у. подала челобитную на земских судебных должностных лиц – судью, старосту и трех целовальников. У нее осталась кабала «мужа моего покойного Фрола» с долгами крестьянам того же стана на сумму 30 руб. Земские власти предложили погасить долги вдовы, взяли у нее документ, но денег не заплатили. Вдова назвала себя «семьишкой» своего «мужа»⁹¹.

В том же 1626 г. посадский человек Великого Устюга Степан Яковлев сын Низовцев жаловался на устюжанина же Петра Пантелеева сына Рукавишникова, который ограбил его двор и, главное, его «семьишко Улку Гаврилову дочь», защищавшую нажитое с мужем добро, жестоко избил и изувечил. Степан Низовцев дважды жену назвал «семьишко» и дважды же «женишко»⁹². Этот документ интересен тем, что равноправно оперирует обоими терминами, свидетельствуя об их равнозначности, тождественности, а также о лексической распространенности.

⁸⁸ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. II. М., 1912. Приложение № 4. С. 18.

⁸⁹ Государственный архив Вологодской волости (далее – ГАВО). Ф. 1260. Оп. 2. Д. 73. Л. 1-1об. Копия второй половины XVIII в. Выражаю свою признательность Д. Е. Гневашеву за предоставление этого документа.

⁹⁰ Там же. Ф. 512. Оп. 1. № 3. Л. 68.

⁹¹ РИБ. СПб., 1908. Т. 25. № 24.

⁹² Там же. № 23.

Устюжанка «Марьица Семенова дочи Шадрикова, а Леонтьева семья Иванова сына Толстоухова» подала в 1632 г. челобитную на своего подворника с тремя товарищами-«подельниками». Все они, воспользовавшись ее тяжелой болезнью и беспамятством, не только ее ограбили, но, главное, подворник «насыпал мне Марьице в нос табаки и меня Марицу бещестил и соромотил, грешное мое тело обругал с тем Давыдом прикащиком и с своими товарищи». Женщина, адресуя челобитную царю Михаилу Федоровичу, обратилась к протопопу собора Успения Святой Богородицы для подтверждения случившегося⁹³. В сложившейся ситуации она называет себя по собственному имени и дополнительно уточняет, что она «Леонтьева семья Иванова сына Толстоухова». Из такого сложносоставного именованья становится ясно ее замужнее состояние, однако о судьбе ее мужа речи не идет, во всяком случае, он отсутствует и потому женщина пустила подворника. Подворники – это посадские люди или крестьяне, не имевшие собственного двора и нанимавшие жилье за деньги или за работу. Их социальный статус был ниже, чем у дворохозяев-тяглецов. В описываемом Марьей случае в ее доме оказались одновременно подворник и его три товарища. По всей вероятности, они могли быть в нетрезвом состоянии и надругались над женщиной. Попав в беду, она сделала заявление соборному протопопу. В компетенции церковных властей находились преступления против нравственности и морали⁹⁴, а в данном случае оно сплетено с уголовным. По Судебнику 1550 г. бесчестье посадского человека оценивалось в 5 руб., а «женам их вдвое»⁹⁵.

В 1652 г. в с. Коровниче вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря один крестьянин продавал двор другому. Архимандрит выяснял, на каком основании продавец Дружина владел двором. Покупатель отвечал, что документа, именно купчей, переданной ему Дружиной, у него нет, и объяснил причину: «А то ведает семья ево Дружины Овдотья Андреева дочь, почему бывшей муж ея Дружина владел тем двором»⁹⁶. Из документа ясно, что жена определенно названа «семьей». Далее покупатель пояснил: «А ныне де та Авдотья замужем за Шумилой Семеновым Огородниковым». Через несколько дней уже у самой «Шумиловы семьи Авдотьи Андреевы дочери» расспросили о продаваемом дворе, и оказалось, что он ранее принадлежал ее отцу, который «тот двор дал за мною приданым». Купчие, имевшиеся у отца Авдотьи на этот двор, «изгибли» в то время, «как де была литва и стояли на Прилуке». Два документа, правда, одного дела поименовали жену «семьей». Характерно, что так высказался покупатель, чужой Авдотье человек, сопрягая ее личность с личностью ее первого мужа. Именно как «семья» второго мужа Авдотья дала необходимые монастырским властям пояснения. Овдовела ли Авдотья, из дела не ясно, по всей вероятности – так; купчую, написанную от лица продавца Дружины, а ее мужа, и разбирательство разделяет 8 лет, причем ответ держит покупатель. Важно, что к замужней женщине применен нестандартный термин.

В 1681 г. властям того же монастыря подала челобитную «на неведомых воров» о краже из житницы разных вещей на значительную сумму в 10 руб. крестьянка «Наталья Фокина дочь Петрова семьишко Всяченина»⁹⁷. В данном случае сама женщина атрибутирует себя как «семья» в смысле жена. Совершенно обедневший крестьянин из вотчины Вологодского

⁹³ Там же. № 45. Об освящении церкви на праздник Успения 15 августа 1290 г. см.: Устюжский летописный свод. М.: Л., 1950. С. 49. Историю первоначально деревянной, многократно горевшей церкви, с 1639 г. каменной, см.: Власов А. Н. Житийные повести сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С. 560.

⁹⁴ Устюжская епархия была образована в 1692 г., а до этого времени в XVI–XVII в. архимандриты Михайло-Архангельского монастыря (основан в XIII в.) представляли высшую церковную власть. См.: Власов А. Н. Указ. соч. С. 569.

⁹⁵ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 101. Бесчестье горожанки фертильного возраста в 2 раза выше, чем мужчины.

⁹⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 613. Л. 2.

⁹⁷ Там же. № 1016.

архиепископа Гавриила просил ссудить его каким-нибудь хлебом, ибо выданный ранее овес «на пропитание с семейшком и с ребятишки» кончился, и потому «я... и с ребятишки скитаюсь в мире...»⁹⁸. О судьбе своей жены он не упоминает. Последнее высказывание показательно, оно совершенно четко отделяет жену-«семейшко» от детей.

В Глубоковском ключе Спасо-Прилуцкого монастыря в августе 1692 г. была составлена, скорее всего, по распоряжению властей «роспись крестьяном, которые принялись в животы и в повытья и в которые деревни». Она небольшая и включает 8 случаев, а написал ее «по скаске мирских людей церковный дьячек Ивашко Емельянов». В пяти из восьми случаев указан год прихода крестьян в монастырскую волость, а в семи – крестьяне назвали конкретные уезды (Каргопольский, Важский и Чарондская округа), волости и деревни, откуда они прибыли, за исключением одного Ивана Семенова, который «родины себе не скажется». Вполне вероятно полагать, что нежелание назвать прежнее место жительства продиктовано его бегством. Наиболее интересна в плане рассматриваемого сюжета следующая запись. В д. Зеленой «в повытье Евсинском живет крестьянин» Козьма Ананьин сын из Каргопольского уезда Ваденской волости д. Бересников. «А семья у него взята деревни Зеленая, а детей с ней прижито сын. А живет в нашей власти два года, а отпускну у него нет»⁹⁹.

Эта запись и сама роспись, в которой она находится, привлекательны несколькими позициями. Во-первых, монастырские власти приняли в свою вотчину нескольких крестьян и Козьму Ананьина в том числе, прибывшего из соседнего уезда без отпускну грамоты, и они информированы об этом. Во-вторых, он «живет» (т. е. не только обитает, но и хозяйствует), конечно же с разрешения властей, в деревне Зеленой в определенном «повытье», причем с антропонимическим названием, употребленным как прилагательное «Евсинское» (от имени Евсей, Евсевич). Такая формулировка говорит об отсутствии дворохозяина этого участка, по всей вероятности запустевшего. Поселившись на нем, Козьма Ананьин женился, взяв «семью» в той же деревне Зеленой. С «семьей» Козьма прожил 2 года, и «детей с ней прижито сын». Последняя фраза отделяет четко детей с конкретизацией в данном случае пола (сын) от «семьи»-жены, придавая термину избирательность. В-третьих, факты, засвидетельствованные в росписи, произошли на протяжении 1675/76-1691/92 гг., т. е. спустя более четверти века после принятия Соборного уложения 1649 г., которое провозгласило крестьянскую крепость землевладельцам на основании переписных книг 1646 г. Однако монастырские власти, заведомо зная, что у Козьмы Ананьина, как и еще у шести новоприходцев, нет отпускных, приняли их в свою вотчину. Характерно, что Спасо-Прилуцкий монастырь, не столь могущественный как Троице-Сергиев или Соловецкий, в своей экономической практике руководствуется хозяйственной рациональностью и пополняет состав работников крестьянами, прибывшими из черносошных уездов и волостей. Как раз в отношении таких, как Козьма, крестьян в деревнях их выхода владельческие, а скорее общинные власти говорили «сшел», «сшел безвестно», а быть может и «скитаются в мире». Пространство такого «мира» могло включать свою или соседние волости, расширяться до пределов близлежащего или даже дальнего уезда.

Задержимся еще на данной росписи. Она красноречиво говорит о крестьянах, поселенных монастырскими властями в своих владениях. Однако записи об этом сформулированы по-разному. Три из них именуют мужчину, который «принят» зятем к конкретному крестьянину: в деревне Хватуново «у Василья Афонасьева принят зять Федор Кондратьев во 184 (1675/76)... А он Федор государственный крестьянин Каргопольского уезду Вохтомской волости»¹⁰⁰. Констатации факта сопутствует указание на то, что зять от тестя особо

⁹⁸ Там же. Кол. 34. Карт. 8. № 99. Челобитная датируется 1684–1701 гг., временем архиепископства Гавриила.

⁹⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 1241.

¹⁰⁰ В д. Зеленой «у Демида Филипова принят у него зять во 195 (1686/87) году Михайло Иевлев сын родом Чаронской

«живет» и владеет частью земли (половиной, третью). Сохраняясь, в основном, по форме, такая запись имеет вариант, отличный по существу. В 1691 г. «у Ивана Стахиева принят в животы зять» из того же Каргопольского у., но Ваденской вол. «Еким Ефремов, государев человек». Следующее затем пояснение раскрывает смысл принятия в животы: «А живет он Яким с ним с Иваном вместе». В этом плане характерна также другая запись: в д. Зеленая «принялсе к Анне Федосиеве» того же Каргопольского у. и волости «деревни Павловской Максим Дорофиев в животы». Принятие в «животы» свидетельствует о вхождении мужчины в уже существующее хозяйство в качестве зятя к тестю или мужа к одинокой женщине, скорее всего вдове. Еще один тип записи говорит о вступлении в «повытье», как в случае уже упомянутого выше Козьмы Ананьина или других, когда «в повытье Якима Симонова к жене ево принялсе Данило Логинов из Важского уезда Тавреньского стану Верховажской четверти Хмельнитской волости деревни Большого двора» и «в повытье Якова Володимерова принялсе к жене его Иван Семенов сын»¹⁰¹. Из вариантов приведенных записей вытекает бытование разных семейно-имущественных связей, которые обуславливали вхождение мужчин в домохозяйство: на правах а) зятя в отделенную ему тестем часть или при совместном с ним проживании по типу «живут в одном хлебе»; б) мужа к вдове, оставшейся во дворе прежнего супруга; в) самостоятельного хозяина в запустевший двор с последующей женитьбой.

Приведенные выше факты показали, что по отношению к замужней женщине наряду с термином «жена» употреблялся и другой – «семья», который применяли как мужья, называя им своих жен, так и сами жены, причем разного социального статуса. Термин «семья» был синонимичен «жене». Именно в таком качестве он проявился в следующем выражении: «Я дожидаюсь твою семью, жену. Она еще в поварне...» (1696 г.)¹⁰².

Рассмотренные документы по своей географической принадлежности относятся к северным районам, и сразу возникает мысль о региональной понятийно-лексической специфике. Для выяснения этого вопроса я обратилась к любезной помощи сотрудников Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, хранящих и пополняющих картотеку Словаря русского языка XI–XVII вв. Данные словарной статьи «семья» охватывают как раз, в основном, XVI–XVII вв., а географически относятся к Северу, Центру, Поволжью (Нижний Новгород, Астрахань), Северо-Западу. Они взяты из разных документов и говорят об обозначении словом «семья» жены. Термин в таком понимании был распространен в разных слоях российского общества среди крестьян, посадских людей, феодалов. Он употреблялся и в начале XVIII в. В. В. Степанов в 1707 г. поздравлял с Новым годом П. П. Шафирова «купно с семьей вашею и з детьми»¹⁰³. Бытовал он в некоторых русских диалектах еще во второй половине XIX в.¹⁰⁴.

Разобранные случаи, несмотря на свою сравнительную малочисленность, показательны. Они говорят о коренном изменении жизненного статуса женщины, ставшей, по официальной актовой терминологии, «женкой» и переставшей значиться «девкой». Вступление в брак – событие, которое вело к образованию новой общественной ячейки, должной действовать в субстратной среде. В таких условиях понятие «семья» было не только собирательным, но и избирательным, конкретно направленным. Оно обозначало не супружескую

округи Ротковские волости Введенского приходу деревни Назаровския»; в той же деревне «у Елисея Ларионова принят зять во 196 (1687/88) Игнатей Карпов, а родиной он Игнатей Чаронской округи Введенского приходу деревни Ленина» (Там же).

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее – Сл РЯ XI–XVII вв.). Вып. 5. М., 1978. С. 87.

¹⁰³ Картотека Словаря РЯ XI–XVII вв. (ссылка на П и Б. без указания тома).

¹⁰⁴ Внимание О. Н. Трубачева привлекли имеющиеся в олонецком диалекте значения «семеюшка»: «ласкательное название для супругов; жена для мужа семья, и муж для жены то же; надежной семеюшкой чаще зовут мужа», при этом он ссылается на: Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898. С. 106. См.: Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 2006. Изд. 2. С. 164.

пару как таковую и не супругов с детьми, как привычно для современного человека, а именно замужнюю женщину. Вступив в брак, женщина становилась мужу семьей.

Глава 2

Крестьянская семья XVI–XVIII вв.: государственная мобилизация и демография в первой четверти XVIII в.

Крестьянские семьи, инкорпорированные в вотчины и поместья, испытывали воздействие внутреннего режима, который устанавливал владелец. В зависимости от характера такого режима (большей или меньшей свободы) семья существовала в определенных структурных параметрах и, как уже было показано в гл. 1, имела тот или иной родственный, поколенный и численный состав. Однако семьи подвергались и внешнему для них воздействию – со стороны государства, которое не исчерпывалось только налогово-фискальной сферой. Оно вторгалось в жизнь семей, особенно активно в первой четверти XVIII в. Имеются в виду государственные мобилизации в армию и на строительные работы, главным образом в Петербург.

В первой половине XVII в., как известно, происходило постепенное создание регулярного русского войска, начавшееся в связи с подготовкой к Смоленской войне (1632–1634). Организация двух полков «солдатского строя», которые комплектовались из «охочих» вольных людей, относится к апрелю 1630 г. С этого времени в практику вошел вольный наем за денежное обеспечение в «ратные люди пешего строя» – т. е. солдаты, которые с середины столетия составляли значительную категорию в войсках нового строя¹⁰⁵.

Как происходили подобные наборы на местах, в частности на Севере, видно из следующих документов, отложившихся в одной из волостей Тотемского у., Уфтюжской. В ноябре 1632 г. местный воевода Меньшой Владимирович Головачев на основании полученной из Иноземского приказа указной грамоты распорядился послать во все волости уезда рассыльщика Назара Прокопьева с наказной памятью для оповещения, «чтоб всякие люди ведали», о проводящемся государственном наборе в солдаты, в том числе из посадских людей и волостных крестьян. Главное условие для прибираемых – это свобода от тягла, чтобы «вольные всякие охочие люди, которые в тягле не написаны (т. е. не внесены в писцовые книги 1620-х гг. – *Е.Ш.*) и в холопах ни у кого не бывали». Таковыми считались обитавшие вместе с дворохозяином-тяглецом дети, или братья, или племянники, которые «живут себе на воле в гулящих людех». Принцип добровольности вступления в ратные люди в разных вариациях проходит красной нитью через текст излагаемого указа: нанимающиеся «собою будут молоды и резвы и в государеву службу пригодятца и в салдатех быти похотят»; чтобы вольные люди ехали в город и «к ученью ратного дела в салдаты писались охотно»; «а призвав всяких вольных людей к ратному ученью в салдаты», необходимо составить на них именные списки и взять поручные записи, которые вместе с людьми представить в Иноземском приказе. Рассыльщик получал от воеводы полномочия «в волостех крестьянем велеть тем государевым делом радеть и промышлять неоплошно с великим радением, чтобы вольных людей к ратному ученью в салдаты написать вскоре многих». «Похотевшие» в солдаты получают «государева жалованья в дорогу по полтине человеку». Годовое же жалованье им «указано» в размере, «как ныне дают салдатом». В феврале 1633 г. другой рассыльщик Лука Дементьев был отправлен из Тотмы в волости в связи с нерасторопным выполнением указа о наборе солдат. Из данной ему наказной памяти отчетливо видны способы информирования насе-

¹⁰⁵ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006. С. 36–38.

ления, механика исполнения важного государственного мероприятия. Рассыльщик должен, «приехав, собрати в тех волостях старост и целовальников и всех крестьян на станы, и по прежним наказным памятей, каковы посыланы наперед сего для прибору салдат, кликать им по многие дни». Он в первую очередь оповещает представителей мирской власти и крестьян в волостных центрах, которые доводят информацию до крестьян в деревнях, и значение этой информационной трансляции выдвинуто на первый план. Повторяется, что набору подлежат вольные «охочие люди, которые в тягле не написаны, и живут себе на воле в гулящих людех», а также «от отцов дети и у братьи братья и у дядь племянники, и подсоседники и захребетники». Согласившихся наняться в солдаты необходимо из одних («первых») волостей в сопровождении крестьян «выслать на Тотьму наперед себя» (рассыльщика), из других «привести с собою вместе», и «велеть» им явиться в съезжей избе к воеводе М. В. Головачеву. Рассыльщику теперь вменялось брать в волостях «доездные памяти за их крестьянскими и отцов их духовных за руками, чтоб про то было ведомо», а надобность такого поручительства диктовалась тем, «что ис тех волостей по прежним наказным памятей и посямест салдаты не бывали, неведомо для чеву». Отсюда следует, что набор в солдаты шел совсем не активно, и за 3 месяца, разделяющих рассылку двух памятей, «охотников» пойти в солдаты не нашлось. В случаях обнаружения нерадивого отношения волостных крестьян к набору солдат рассыльщики обязаны усилить устную пропаганду: «тех волостей в церквах крестьянем заказать накрепко, чтоб с великим радением для салдат по прежним наказным памятей велеть кликать по вся дни, чтоб призвать салдатов многих вскоре». Уговоренных «охотников» нужно «присылать на Тотьму почасту с волосными крестьяны». Подтверждается, что каждый из прибранных в солдаты получит жалованье на дорогу до Москвы по полтине и подводы, а годовое жалованье «на хлеб и на платье» будет дано в Москве¹⁰⁶.

Наряду с набором крестьян и посадских в солдаты продолжался «прибор» и в стрельцы. Тотемский воевода М. В. Головачев 26 июля 1633 г. получил грамоту из Устюжской четверти «за приписью» дьяка Пантелея Чирикова, в которой обозначены требования, предъявляемые к набираемым в стрельцы. Полагаю, что они оставались реальными и при найме в солдаты. Воевода получил наказ «прибрать стрельцов» 20 человек из сельского населения уезда. Выбранные мужчины должны быть «добры и резвы и стрелять горазды, лет в дватцать и в тритцать и в сорок, а меньши дватцети лет или больши сорока лет имати в стрельцы не велено». Также нужно брать в стрельцы «от семьянистых людей от отцов детей и от братьи братью и от дядь племянников, крестьянских детей, которые были добры». Этот довод, как становится ясно, имел ведущее значение в «приборе» служилых людей. Вновь набранных стрельцов, причем с женами и детьми, и составленную на них именную роспись следовало незамедлительно прислать в столицу. На дорогу надлежало им дать «на корм до Москвы по рублю человеку из тотемских из неокладных доходов», и величина «подъемных» в 2 раза больше, чем обещалось солдатам. Подчеркну важный нюанс, это имеющееся указание на конкретный источник финансирования, а именно неокладные доходы, имевшиеся в уезде. По прибытии в Москву вновь прибранным стрельцам «государево денежное и хлебное жалованье учинят оклад против московских стрельцов».

На основании этого указа уже через 3 дня, 29 июля, воевода «велел ехать» в волости посадскому человеку Безсону Кускову и рассыльщику Борису Сидорову, чтобы «писать в волостях в стрельцы». В соответствии с выданной им из съезжей избы наказной памятью приисканных стрельцов и поименные списки на них нужно привезти в Тотьму и явиться к воеводе. Записавшимся «розбор им будет на Тотьме, которые згодятца на государеву службу» по физическим, возрастным и нравственным качествам, перечисленным в наказе, и из признанных годными отберут тех, которых затем отправят в Москву. Государственная установка

¹⁰⁶ Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». Ф. 288. № 54, 85.

«в стрельцы в волостях имати от семьянистых людей» получила в воеводской памяти разъяснение: «чтоб тех людей, у которых взяты будут в стрельцы, жеребьи их пашни в пусте не были бы»¹⁰⁷. Цель его сформулирована предельно ясно и направлена на поддержание тягло-фискального дохода казны. Так, в Устюжском у. в первой половине 1680-х гг., когда в солдатскую службу было необходимо «выбирать салдат из уездных крестьян», то действовал принцип «мирского выбора», на основании которого подьячий съезжей избы «высылал», «имал» солдат, составив их списки¹⁰⁸.

Массовые наборы даточных людей из посадских и крестьян в организованные в конце 1650-1670-х гг. выборные солдатские полки были одним из источников их комплектования, а северные уезды поставляли значительную часть солдат в них¹⁰⁹.

Рассмотренные наказные памяти о наборе в стрельцы и солдаты показывают их содержательную взаимосвязь, и она проявляется в присутствии одинаковых, условно говоря, пунктов, хотя не выделенных как таковые, но повествовательно отчетливо выраженных. Наказы о наборе в стрельцы повлияли на преемственность делопроизводственной разработки документов о найме в солдаты. Сам способ прибора служилых людей в стрельцы и солдаты за счет вольного найма при государственной ориентации на людей не тяглых оказывал воздействие на состав семей, однако оно было качественно иным, нежели при рекрутских наборах первой четверти XVIII в., когда потребность в солдатах выросла многократно.

П. Н. Милюков проследил увеличение военных расходов в первое десятилетие XVIII в. и численный рост действующей армии в их взаимной связи. Он привел данные о мобилизациях в разные войска. Из этих сведений ясно, что с 1705 г. наборы в солдаты стали проводиться ежегодно. Ученый подчеркнул, что «после третьего набора Петр считал уже ежегодные наборы явлением нормальным». В 1705–1710 гг. рекруты брались по пропорции с 20 дворов по 1 чел.

Набор 1711 г. был более жестким: с 10 дворов по человеку¹¹⁰. По поводу рекрутских наборов на Северо-Западе страны в первой половине XVIII в. высказался Е. В. Анисимов. Он отметил, что наборы рекрутов проводились периодически и «по общему правилу» с каждых 20 дворов. «Рекрут получал значительную денежную подмогу и мундир за счет средств, собранных с мира. Крестьяне сдавали хлеб на прокормление рекрутов и должны были обеспечить доставку их к месту назначения. Рекруту полагалось по 5 алт. на 100 верст пути и в Петербурге по 10 денег в сутки»¹¹¹.

Целесообразно поставить вопрос, каковы же были последствия наборов в солдаты и в работники для конкретных крестьянских семей северных уездов, по преимуществу Вологодского. Следует отметить, что регионы Севера были в сильной степени подвержены мобилизациям, особенно на всевозможные работы. Рассмотрение интересно провести в антропологическом плане, а не с точки зрения общих миграционных процессов. Последним в литературе было уделено достаточно внимания.

П. А. Колесников подробно изучил направления миграции крестьян Севера, причины их оттока и запустения дворов. Он установил, что в результате правительственных мобилизаций на Севере запустело чуть более 9 % дворов. Мобилизованные из них мужчины умерли или не вернулись домой, а их семьи окончательно разорились. Ученый также определил

¹⁰⁷ Там же. № 104.

¹⁰⁸ РИБ. 1890. Т. 12. Стб. 682, 698.

¹⁰⁹ Малов А. В. Указ. соч. С. 211–212.

¹¹⁰ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1906. С. 124–130, 131, 133.

¹¹¹ История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. Гл. V. Крестьяне Северо-Запада в первой половине XVIII в. СПб., 1994. С. 170.

количество людей – 14,9 %, выбывших из уездов Севера по мобилизациям¹¹². В Вологодском же уезде вследствие мобилизации запустело 28,9 % дворов от числа дворов, разорившихся в центрально-поморских уездах (вдоль Сухоно-Двинского речного пути); при этом людей было изъято в армию и на работы 24,2 %¹¹³. П. А. Колесников привел данные источников, включенных в составленную им публикацию «Северная Русь. XVIII в.». Они показывают, что в 1710 г. предписывалось из Архангелогородской губ. выслать в Петербург на вечное житье мастеровых людей, необходимых «у адмиралтейства и у городских дел», 555 чел. ремесленников, причем «з женами и з детьми»: из них 496 плотников, и значительно меньше каменщиков – 19, кузнецов – 10, столяров и токарей, котельников, медников, слесарей и других специалистов. На Вологду по разнарядке один человек со 160 дворов пришлось 167 человек, из которых 153 плотника, на Устюг – 49 работников, из них 35 плотников, на Сольвычегодск – 20 чел., из них 14 плотников, на Архангельск – 23, а на Вагу с Устьянскими волостями 63 человека¹¹⁴. В 1710 г. на вечное житье в Петербург Петр I указал принудительно переселить 2500 мастеровых¹¹⁵.

Практиковались также, как и в XVII в., ежегодные «посошные» наборы мастеровых людей для отбывания трудовой повинности при возведении столицы, причем из всех категорий непривилегированного населения. В 1707 г., указывает П. А. Колесников, в Петербург было отправлено 5813 чел. из Вологды, Галича, Кинешмы против требуемых 6234 чел. В 1708 г. туда же предписывалось выслать от каждых 15 дворов работников с Двины, Устюга, Тотмы, Сольвычегодска, из Кеврольского и Мезенского уездов и собрать на их «прекормление» 7294 руб. Вологда должна была обеспечить численно наибольшую поставку (в сравнении с другими северными городами) работников – 5766 чел., а было отправлено лишь 4015 (меньше на 1751 чел.). За три года, с 1707 по 1709, по подсчету П. А. Колесникова, было взято на работы свыше 10 тыс. человек и собрано около 13 тыс. руб. В 1711 г. предписывалось выслать на работу из уездов: Вологодского 1502, Ваги и Устьянских вол. 477, Устюжского 371, Тотемского 93 человек¹¹⁶.

Хорошо известно, что наборы на работы и жительство в Петербург и другие места проводились на протяжении всей первой четверти столетия. В 1720 г. в северную столицу было прислано 824 семьи плотников из северных уездов, в том числе из Вологды 184, Тотмы 56, Устюга 37, Сольвычегодска 24, а также из других городов¹¹⁷. Приведенные данные явственно свидетельствуют, что на Севере Вологда с уездом была резервуаром, откуда правительство черпало трудовые ресурсы в необходимых целях.

На материалах переписи 1717 г. по Вологодскому у. в свое время я проследила причины убыли населения по его западной части, так называемой Кубенской трети. За период с 1710 по 1717 г., т. е. за 8 лет, мобилизации в солдаты и на работы поглотили более четверти (27,4 %) мужчин работоспособного возраста, причем на строительство Петербурга было изъято 14 %, т. е. (с учетом погрешности подсчета) почти столько же, сколько взято в солдаты¹¹⁸. Так что можно говорить о равнозначности для мужчин западной части Вологодского уезда военной и трудовой мобилизаций во второе десятилетие XVIII в.

Напомню форму записей в переписи 1717 г. Поименованы волость, имя и социальный статус владельца, названо поселение и его тип – село, сельцо, деревня или их доля. Также

¹¹² Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 243, 248.

¹¹³ Подсчет мой по: Колесников П. А. Указ. соч. С. 241. Табл. 27; С. 245. Табл. 28.

¹¹⁴ Северная Русь (XVIII столетие). Вологда, 1978. С. 16–17; Колесников П. А. Указ. соч. С. 249.

¹¹⁵ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974. С. 38–39.

¹¹⁶ Колесников П. А. Указ. соч. С. 249–250.

¹¹⁷ Северная Русь. С. 11.

¹¹⁸ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976. С. 19.

перечислены: обитатели двора вотчинника, жители каждого из крестьянских, бобыльских, нищенских дворов во всяком селении, указаны пустые дворы и дворовые места, даны итоги дворов по владению. Важная особенность переписи 1717 г. состоит в том, что она учла, причем с указанием возраста, не только мужское население, но и женское. Повышает ее ценность еще и то обстоятельство, что в ней почти по каждому двору приводятся сопоставления с предшествующей переписью 1710 г. о живших в нем на тот момент обитателях. Благодаря этому исследователь получает данные об изменениях среди жителей каждого из дворов, в пределах деревни, светского или церковно-монастырского владения, о естественном движении населения, а также об его оттоке и убыли. Приписки-сравнения с переписью 1710 г. отмечают людей, не внесенных в нее, и указывают причину отсутствия: «был в бегах», «скитался в мире». Именно материал таких подворных сопоставлений дал пищу для данных изысканий.

Заслуживают внимания формулировки переписных книг, относящиеся к военной и трудовой мобилизациям. Они характерны для всех типов землевладения – поместий и вотчин, как духовных, так и светских, что понятно, ибо их существо было задано порядком сбора информации по каждому из вопросов.

Записи о наборах в солдаты, в основном, сделаны по форме: имярек «взят в салдаты в такой-то набор» или в таком-то году. В вотчине епископа Ростовского и Ярославского, кстати самого крупного духовного землевладельца в Вологодском уезде в XVII в.¹¹⁹, в д. Попово значился двор Якова Кирьянова с женой, им по 60 лет, с женатым 30-летним сыном и внучкой, 20-летней дочерью и женатым племянником Федором 35 лет. Другой же племянник главы двора Константин Иванов, записанный в книгах 1710 г., к настоящему 1717 г. «взят в салдаты в седьмой набор», или в д. Лаврентьево в семье вдовца Козьмы Аксенова 67 лет с женатым сыном Федотом 34 лет и двумя малолетними внуками «в переписной книге 1710 году был написан сын Тимофей, и он взят в солдаты в седьмой набор в 1711 году»¹²⁰.

В вотчине Спасо-Каменного монастыря при описании «безпахотных» дворов в с. Пучка в одном из них жил перевозчик Михайло Афонасьев 67 лет с женой Антонидой Козминой 50 и двумя внуками Иваном Дмитриевым 12 и Ефросиньей 13 лет. «А в книгах 1710 году у него Михаила написан сын Дмитрий, и он взят в драгуны в 1716 году, а жена его Лукерья Иванова бежала безвестно»; из другого двора монастырского шваля Ивана Федорова сына Худенева 72 лет с женой Евдокией Семеновой 53 лет и детьми Яковом 16 и Дарьей 11 лет сын Ивана Дмитрий «взят в драгуны в 1716 году». У хозяина был еще зять Исаак Харитонов 50 лет с женой Ириной Андреевой, младше его на 10 лет, сыном Федором 15 и дочерью Соломонидой 12 лет¹²¹. Судя по отчеству Ирины, она не была ни дочерью, ни родной сестрой дворовладельца Ивана Федорова, но видимо находилась с ним в родстве или в свойстве. Примечательно, что переписчики называли род войск – драгуны¹²², в который призваны не крестьяне, а монастырские работники, не имевшие земледельческой специализации.

Из многочисленного (18 человек) двора в д. Борилово поместья Григория Богдановича Засецкого у Григория Селуянова 60 лет с женой ровесницей, тремя неженатыми сыновьями (одному 30 лет) и дочерью, а также еще с двумя женатыми племянниками Степаном и Леон-

¹¹⁹ За ним числилось в конце XVII в. в разных волостях уезда 1499 дворов, за архиепископом Вологодским и Белозерским – 1086 дворов, из монастырей Спасо-Прилуцкий имел 612, Корнильев-Комельский – 516, Спасо-Каменный – 478 дворов. См.: Водарский Я.Е. Вологодский уезд в XVII в. //Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 297.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 174, 195.

¹²¹ Там же. Л. 126—126об. Спасо-Каменный монастырь расположен на острове в Кубенском озере, и перевозчики были необходимы для связи с берегом. Остатки монастыря уцелели до настоящего времени. Шваль – шьющий одежду, портной, от глагола «шить».

¹²² Драгуны появились в русской армии в начале Смоленской войны в 1632 г., а представляли собой пехоту, посаженную для скорости передвижения на коней; в 1640-х гг. в драгуны стали прибирать даточных людей из крестьян (Малов А. В. Указ. соч. С. 38–39, 41).

тием Анофреевыми с их малолетними детьми «Григорьев же сын Илья да Леонтьев брат (племянник Григория – *Е.Ш.*) взяты в салдаты в 1716 году» т. е. хозяйство лишилось одновременно двух молодых мужчин, которые доводились друг другу двоюродными братьями¹²³. В помещичьей д. Олисавино Афанасия Корниловича Сурмина – двор Данилы Козмина 40 лет с женой Анной Антипиной 30 лет, а также с женатым двоюродным братом Иваном Пиминным 40 лет и сыном 7 лет. В перепись 1710 г. были живы отец главы Козьма Данилов с женой Соломонидой и 5-ю детьми (3 мальчика и 2 девочки), которые «умре в давних летех». Здесь же значились «племянники их Ермола Никонов, Федор Петров, и они Ермола взят в солдаты в первой набор, а Федор умре тому седьмой год»¹²⁴. За Иваном Андреевичем Дашковым находилась поместная д. Юрино, а в ней двор с двумя избами женатых братьев Ивановых – Ивана 60 и Ефима 50 лет с детьми, у старшего – сын 15, у другого мальчика 12 и 4 лет, девочка 6 лет. В 1710 г. во дворе был «написан Иван Елфимов» (по всей вероятности отец указанных братьев) с женой, которые умерли в 1715 г., а его племянник с женой «сошли в мир безвестно. Брат ево Фадей (вероятнее всего, другой племянник) взят в салдаты в пятой набор. А Иванов брат Иван Яковлев (дядя теперешнего главы – *Е.Ш.*) з женою Федорой и з детьми с Михаилом да с Петром скитаютца в мире безвестно»¹²⁵. Двор, в котором к 1710 г. было шесть взрослых мужчин, за 7 лет между переписями потерял четверых из них. В д. Борачево поместья князя Богдана Ивановича Гагарина хозяйствовали родные братья Иван Васильев 57 лет с женой ровесницей и с женатым бездетным сыном 20 лет и Федор Васильев – 40 лет с 30-летней женой и годовалым сыном. В 1710 г. «у него Ивана написаны брат Фрол с женой Устиньей. И они Фрол взят в салдаты в 1711 году, а жена его скитаецца в мире, а сын его Агей умре тому пятой год»¹²⁶. В поместной д. Романово вдовы Марфы Егорьевны Шепелевой значился двор бездетного Егора Васильева 28 лет с женой Степанидой 30 лет и с холостым братом Андреем 17 лет. Примечательно, что Егор в 1710 г. был написан в соседнем дворе родных братьев Артемьевых – Андрея 47 и Якова 35 лет, теперь же живет от них в отдельном дворе. И «в том дворе написан был Лаврентей Иванов, он взят в солдаты в 1715 г., жена ево и з детми умре в 1715 г. Леонтей Костянтинов взят в солдаты в том же году. А жена ево и з детьми умре в 1713 году, в 1714 годах»¹²⁷. Из этого двора были мобилизованы двое мужчин, причем в один год, а их жены и дети умерли. Все обитатели между 1710 и 1717 гг. выбыли из двора, он освободился, и в него перебрался другой крестьянин.

Из вотчинной д. Дубровское, принадлежавшей Василию Семеновичу Змееву, из двора Дмитрия Кириллова 37 лет с женой Татьяной Степановой, их 10-летним сыном и с его младшим 27-летним родным женатым братом Андреем был «взят в салдаты в 1716 году» их брат, по всей вероятности двоюродный, Афанасий Осипов, «а жена ево скитаецца в мире» или в д. Остробалово той же вотчины находился двор 3 женатых братьев Андреевых: Ивана 57 лет с женой Марьей Осиповой 47 лет, Степана 32 лет с женой-ровесницей Анисьей Савельевой и 11-летней дочерью, Федора 20 лет и с женой Федосьей Семеновой 24 лет. У старшего брата Ивана в 1710 г. написан был сын Иван, который «взят в салдаты в 1715 году». В д. Бекренево вотчины князя Михаила Яковлевича Лобанова-Ростовского имелся двор, возглавляемый двумя братьями Терентьевыми: старший из них Дементий вдовец, ему 66 лет, у него женатый 22-летний сын Павел и 20-летняя невестка Евдокия Иванова с их двумя малолетними детьми, а младшему брату Марку 45 лет, его жене Апросинье Павловой 35 лет и у них тоже двое малолетних детей. С братьями Терентьевыми живет также их двоюродный

¹²³ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 234об.-235.

¹²⁴ Там же. Л. 343-343об.

¹²⁵ Там же. Л. 358об.-359.

¹²⁶ Там же. Л. 398-398об.

¹²⁷ Там же. Л. 412.

брат Тимофей Иванов 45 лет, женатый на Ефросинье Ермолиной 35 лет, и у них трое детей: Наум 6 лет, Максим 20 недель и Домна 11 лет. Значившийся в 1710 г. другой двоюродный брат дворохозяев Василий Иванов был «взят в салдаты в 1711 году», а его жена с дочерью, «и они в мире»¹²⁸.

Вместе с тем, встречается иная формулировка, когда вместо «взят» употреблялось «отдан» в солдаты. Так, в вотчине Спасо-Каменного монастыря Сямской вол. в д. Красково в двух соседних дворах обитали: в одном – Таврило Абросимов 57 с женой 59 лет с женатым 29-летним сыном, бездетным, и двумя племянницами, в другом – 45-летняя вдова Пелагея Иванова с 14-летней дочерью и своим женатым племянником 25 лет. В 1710 г. все они написаны в одном дворе, а у Гаврилы были «сын Борис да брат Тихон да племянник Григорий Исаков. И они Борис отдан в солдаты в 1711 году, а Тихон да Григорей умре в 1715 году». Теперь же, в 1717 г. Пелагея и ее свекор «по осмотру явился в особливом дворе», а из обеих семей выбыли трое мужчин. Во дворе Афанасия Дмитриева 28 лет с женой Афимьей Антоновой 38 лет и двумя малолетними детьми в д. Горка Никольская прежде «у него Афонасья написан брат Яков, а он отдан в солдаты в 1711 году. А жена его Ирина умре тому третьей год»¹²⁹.

О степени распространения этой формулировки судить со всей определенностью затруднительно. Спасо-Каменный монастырь в упомянутой Сямской вол. имел по моим подсчетам 73 двора, из 9-ти солдаты были «взяты», а из 4-х – «отданы»¹³⁰. За епископом Ростовским и Ярославским в 1717 г. в трех волостях – Верховологодской, Ракульской и Сямской – насчитывалось округленно 120, 40, 20 дворов соответственно (всего 180), и в солдаты были мужчины «взяты» из 24 дворов, а «отданы» лишь из 2-х дворов¹³¹.

При описании помещичьих и вотчинных дворов формулировка «отдан» в солдаты также имела место. В Кубенской вол. располагалась компактная вотчина боярина Алексея Петровича Салтыкова – с. Ильинское с деревнями. В этом селе из домохозяйства 42-летнего Алексея Семенова с 37-летней женой Ефросиньей Тимофеевой с сыном Петром 17, двумя дочерьми 14 и 9 лет «брат ево Моисей отдан в салдаты в осмой набор»; у Степана Алексева 70 лет с женой Киликией Кондратьевой 57 лет «сын его Иван отдан в салдаты в седьмой набор», и Степан к своей 22-летней дочери Маремьяне принял в дом мужа (своего зятя) Михаила Васильева 27 лет, с ним живет еще его племянник Ефим 17 лет, а его отец, брат Степана, «Филат и з женой в сходе умре». В двух соседних дворах того же с. Ильинское жили: в одном – семья 60-летней вдовы Матрены Семеновы дочери с женатым сыном 37 и снохой 27 лет, вторым сыном 14 лет, в другом родные братья Петровы – Тихон 47 с женой 42, сыном 11 лет и Павел 27 с женой 25 и 3-мя сыновьями 7, 4, 3 лет. Именно при описи второго двора поясняется, что «вдовин же сын Петр отдан в салдаты в седьмой набор», и они «Тихон и Павел з братьями в книге 1710 году да в поданной скаске написаны» были с вдовой Матреной в одном дворе. В д. Погорелое имелся населенный двор (13 чел.) 47-летнего Дементия Яковлева с женой Анной Никитиной 49 лет, с сыновьями Федором 16, Никитой 12, Ульяном 10 и дочерью 13 лет и его родного брата Степана 20 лет с женой Домной Ивановой 22 и их младенцами Яковом 1 года и Алексеем полугода, а также с ними жили «племянники родные» Афонасий 17, Трофим 15 и Ксенья 16 лет. «А отец их Прокопей умре. А Дементьев сын Гаврило отдан в салдаты в первой на десять набор, а брат ево Дементьев Иван отдан в салдаты в осмой набор». Жена Ивана 32 лет с 10-летней дочерью «бродят в

¹²⁸ Там же. Л. 1027, 1029, 1052.

¹²⁹ Там же. Л. 118об., 119.

¹³⁰ Там же. Л. 106–126.

¹³¹ Там же. Л. 66-72об., 174-179об., 184–212. В конце XVII в. в Верховологодской вол. находились вотчины только духовных землевладельцев, и за ними числилось около 170 дворов. См.: Водарский Я. Е. Сельское население Вологодского уезда во второй половине XVII в. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 429.

мире»¹³². Данное хозяйство поставило в армию двух родственников главы двора – его старшего сына и среднего по возрасту брата.

Всего из этой вотчины А. П. Салтыкова, насчитывавшей 95 жилых дворов, в солдаты мобилизовано 15 человек, причем их «отдано» из тринадцати дворов, а «взято» из двух¹³³.

В поместье Алексея Ивановича Дашкова в д. Кивернино Воздвиженской вол. жил Исаак Михайлов 57 лет с женой Варварой Дементьевой 54 лет и детьми Евдокимом 14 и Мариной 19 лет. «А в книге 1710 году в том дворе написан у него Исаака брат, и он с сыном Леонтьем умре. А брат ево Григорей отдан в салдаты в первой на десять набор». В той же деревне хозяйствовал 47-летний Дмитрий Перфильев с женой Ефимьей Осиповой 37 лет и двумя сыновьями Алексеем 17 и Андреем 10 лет, дочерью Анной полугода, а также с своим родным, холостым братом Дементием, которому 67 лет. В 1710 г. «в том дворе написан их племянник Яков Данилов, он отдан в салдаты в десятой набор, а сын ево Иван умре тому третий год. На том дворе две избы»¹³⁴.

В поместье Ивана Андреевича Дашкова, описание которого помещается в книге вслед за описанием поместья Алексея Ивановича Дашкова, что свидетельствует об их соседстве, существовала д. Голеда. В ней в 1717 г. учтен двор вдовца Филиппа Михайлова 60 лет с сыном Ильей 40 и его женой Ксеньей Егоровой 30 лет, их женатым сыном (внуком Филиппа) Кириллом 16 лет. В книге 1710 г. «в том дворе написан Семен Естифеев», который умер «тому третей год, а жена его Устинья скитаецца в мире. А дети Иван отдан в солдаты в пятой набор, племянник Никифор отдан в солдаты в шестой набор». Сын теперешнего главы двора Филиппа «Дмитрий с женой умре тому третий год»¹³⁵. Двое крестьян из этого двора пополнили число мобилизованных в следующие друг за другом призывы. Трое крестьян – глава двора в 1710 г. Семен и сын действующего дворохозяина Филиппа Дмитрий с женой умерли в один, 1715, год. Жители двора, состав которого за время между переписями сменился, вероятно, не чужие друг другу, а были связаны какой-то степенью родства.

За обоими представителями семьи Дашковых по переписи 1717 г. в Воздвиженской вол. вкупе насчитывалось 33 двора, из них в солдаты были отданы крестьяне из 6 дворов и из одного – взят.

В д. Фокино вотчины князя Михаила Яковлевича Лобанова-Ростовского в Кубенской вол. имелся двор Варлама Карпова 45 с женой Агриппиной Терентьевой 35 лет и пятью детьми – Иваном и Васильем 11 и 3 лет, тремя дочерьми 13, 6 лет и полугода. Написанный в книгах 1710 г. дядя главы Матвей Ларионов «ходит в мире», а сын Варлама «Фома здан в салдаты сего года (1717 – *Е.Ш.*) з десяти дворов». Вслед за названной описана вотчина Ильи Ивановича Мещерикова, расположенная, видимо, в близком соседстве. В д. Песей Погост из двора Симона Селуянова 57 лет с 30-летней женой Анной Степановой и двумя женатыми сыновьями Яковом 28 лет, у которого 20-летняя жена и 6-летний сын, и Антоном 17 лет с 16-летней женой, бездетными, и еще с 6-летним пасынком значившиеся в 1710 г. «дети» – Галактион «здан в салдаты в десятый набор, Петр умре тому три годы». В другой деревне той же вотчины Обухово двор Емельяна Андреева 67 лет с 57-летней женой Апросиньей Тимофеевой, сыном 10 и дочерью 15 лет поставил в солдаты племянника, который «отдан в седьмой набор»¹³⁶. В данных случаях не только вместо «взят», но и вместо «отдан» применено

¹³² РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 949, 939об., 944об., 954.

¹³³ Там же. Л. 936–961.

¹³⁴ Там же. Л. 457об., 458. Поместье А. И. Дашкова, состоявшее из д. Василево с 3 деревнями, в 1678 г. принадлежало думному дворянину Федору Ивановичу Леонтьеву. См. Л. 454об.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 469.

¹³⁶ Там же. Л. 1052, 1058, 1059.

«сдан», и использование в записях, следующих непосредственно друг за другом, «сдан» и «отдан» следует воспринимать как синонимы.

Некоторые наблюдения, сделанные по поводу употребления обеих формулировок, показали, что при описании духовных вотчин преобладало выражение «взят» в солдаты, а светских – наоборот «отдан» в солдаты. Оба они, выражая одно действие, показывают, что не мобилизуемое лицо было его активным носителем, его позиция была страдательно-пассивной. Оборот «взят в солдаты» можно считать общепринятым, стандартным, другой же – «отдан в солдаты» конверсивен ему. Известно, что в переписях участвовало несколько переписчиков, и разные из них могли описывать духовные и светские владения. Можно полагать, что переписчик первых был предрасположен к употреблению глагола «взят», а переписчик вторых – «отдан», и это при минимальном числе выражений противоположного варианта. Вполне допустима мысль о том, что переписчики использовали оба выражения как взаимозаменяемые. Однако налицо – явное преобладание одного из них, причем при описании экономически разнохарактерных владений, какими были поместья и вотчины. Объяснить отмеченное обстоятельство только вербальной склонностью переписчиков к одному из разбираемых выражений вряд ли достаточно. Полагаю, что при применении конструкции с «отдан» проявляется некая общинная и/или внутривотчинная специфика, ориентированная на выбор кандидата в солдатскую службу. Подкрепляет мой довод до некоторой степени следующий факт. В вотчине Ивана Михеевича Квашнина-Самарина в д. Ерденево был двор 67-летнего Алексея Ларионова с 50-летней женой Прасковьей Андреевой, с их женатым сыном Федором, у которого свой годовалый сын, а также с двоюродным братом Алексея Иваном Дорофеевым 57, его женой Соломонией Никоновой 45 лет и их младенцем – дочерью 10 недель. В соседнем дворе «по осмотру» оказались 45-летний Тимофей Дорофеев с 35-летней женой и 7-летней дочерью. Как обычно, после перечисления жителей этих дворов ко второму из них помещено сопоставление с переписными книгами 1710 г., и в данном случае оно – развернутое и редкое по своей подробности. Приведу его целиком. «А в переписных книгах 1710 году написаны были в том дворе Иван и Тимофей Дорофеевы дети з женами и з детьми, а не писаны были каким случаем в тех книгах в особом дворе, про то он, староста и выборной не ведает. А при переписи, как писал в то число переписчик Петр Слепушкин, они писали их Ивана и Тимофея Дорофеевых во дворе с Алексеем Ларионовым, а не в особливом дворе, и подати они платят с одиннадцати, а не с двенадцати дворов»¹³⁷. Из текста вытекает прямое участие общинных представителей – старосты и выборного в подаче сведений («сказок») переписчикам и опосредованное в подборе кандидата для мобилизаций.

В записях о наборе в работники на строительство новой столицы выявляются несколько вариантов. Естественно, наиболее часто встречается следующий: «Взят в работники в 17... году». Так, в д. Городок Спасо-Каменного монастыря из двора вдовца Петра Андреева 57 лет с его родным женатым братом Иваном Андреевым 37 и 7-летним сыном записанный в 1710 г. племянник Никита Игнатьев «взят в работники в 1713 году, а жена его в 1713 году умре, а дети его Петр живет в Каменном монастыре, дочь Авдотья скитаецца в мире». В поместной д. Володино А. И. Дашкова из двора Василия Леонтьева 37 лет с 42-летней женой и 3 детьми сыном 11, дочерьми 9 и 4 лет, а также с 16-летним племянником Никитой Ивановым «Васильев брат Иван взят в работники в Санкт Питербурх в 1711 году». В вотчинной д. Вепрево Афонасия Тимофеевича Савелова был двор братьев Гавриловых – Дмитрия 35 лет с 25-летней женой и Ивана 34 лет, вдовца, у них же племянник Григорий Алексеев – 10 лет. В 1710 г. был написан Гаврило Семенов, их отец, «а он и з женою умре в 1716 году. Сын ево Алексей взят в работники в Санкт Питербурх в 1706 году»¹³⁸.

¹³⁷ Там же. Л. 1035.

¹³⁸ Там же. Л. 110, 457об., 979.

В этом варианте имеется конкретизирующая разновидность «взят в плотники». В вотчине Спасо-Каменного монастыря в д. Пригород, относящейся к с. Борисову, из двора Кирилла Анфиногенова 59 лет с 56-летней женой Афонасеей Аверкиевой и вдовой Анной Антоновой 44 лет с ее сыном 9 лет был «взят в плотники в Санкт Питербурх в 1714 году» сын Кирилла Иван. В монастырской же д. Горка Минина жили супруги 47-летний Дмитрий Тимофеев с 49-летней женой и с женатым сыном Федором 28 лет, его 23-летней женой и с младшими холостым сыном Андреем 26 лет, дочерью Татьяной 20 лет. Из пояснительной записи следует, что в 1710 г. во дворе «написан Федор Семенов, а он пострижен в Каменном монастыре. А дети его Иван взят в плотники в Санкт Питербурх в 1716 году, сын же его Григорей да племянник Никита с братом Дмитрием Нефедовым и сыном Родионовым (так!) умре в 1714 году». К 1717 г. двор обезлюдел, и в нем теперь живет указанный Д. Тимофеев, но «он Дмитрий Тимофеев переведен из деревни Петрешина в 1712 г.»¹³⁹. Непонятно, был ли он подселен к еще живым до 1714 г. Григорию с племянниками и Ивану Федорову до его ухода в плотники в 1716 г. или после того, как он его покинул. В конечном счете, монастырские власти за счет оставшегося во дворе единственного мужчины, четверо родственников которого умерли в один год, планировали решить поставку по мобилизации. В опустевший же двор была переселена семья, перспективная для демографического роста и тяглоспособная. Примечателен следующий факт. В уже упоминаемом с. Ильинском А. П. Салтыкова хозяйствовали женатые Федор Михайлов 50 лет и «брат его родной» Борис Михайлов 32 лет, дети у обоих не показаны. «А племянник их родной Илья Иванов холост 20 лет послан в нынешнем 1717 году в плотники в Санкт Питербурх»¹⁴⁰.

За столыником Дмитрием Герасимовичем Скрипициным в д. Подольное находился двор 45-летнего Григорья Иванова с 35-летней женой Пелагеей Герасимовой с женатым сыном Иваном 25 лет с его 30-летней женой, и еще с младшими сыновьями Иваном же 17 и Петром году, также «у него ж брат родной» Семен 30 лет с женой 40 и сыном 17 лет. В книгах 1710 г. значился «у них же брат двоюродный Илья Киприянов» – 27 лет с женой Матреной Гавриловой 30 лет, «и они в сходе», и сразу следует продолжение: «Аника Киприянов взят в плотники в Санкт Питербурх в 1714 году и там умре, а жена ево Анна» – в мире, «сын Сидор взят в плотники в 1715 году. На том дворе две избы»¹⁴¹. К 1710 г. этот двор определенно населяло четверо двоюродных братьев с женами и детьми: два сына Ивана – Григорий и Семен и также два сына Киприана – Илья и Аника, а их отцы, естественно, были родными братьями. Потомков Киприана к 1717 г. во дворе не осталось, семья его сына Аники использована для набора на строительство Петербурга, куда взят сам Аника, умерший на работах, и в следующий год его сын Сидор, жена же Аники и мать Сидора обречена на скитание. Возможно, забранные в плотники Аника и его сын Сидор, во-первых, были хорошими мастерами или, во-вторых, хозяйственно слабее, чем оставшиеся братья Григорий и Семен Ивановы, которые были старше, особенно глава двора Григорий, и могли оказать давление на Анику. Во всяком случае, налицо реальный пример решения поставки работников за счет боковых родственников в неразделенной семье.

Приведенные записи, казалось бы, схожие по форме и мало отличаются друг от друга. Однако, первая «взят в работники» говорит об общем наборе мастеровых людей, а вторая о целенаправленном наборе работников определенной профессии.

В варианте «взят» в Санкт-Петербург встречается еще одна, причем очень важная по последствиям для судеб семей, разновидность: «взят на вечное житье»¹⁴². Она относится к

¹³⁹ Там же. Л. 119об., 117.

¹⁴⁰ Там же. Л. 941об.

¹⁴¹ Там же. Л. 1115.

¹⁴² Там же. Л. 82об.

наборам как на общие работы, так и по специальностям. В д. Долматово епископа Ростовского и Ярославского был двор 44-летнего Леонтия Митрофанова с женой Марьей Ивановой 40 лет и 20-летним сыном, женатым на одногодке Марье, и пока «детей у них нет» В 1710 г. здесь значились родные братья главы Леонтия, один из которых Никита «взят в плотники в Санкт Питербурх с женою и з детьми на вечное житье». Другой брат «с женой бродят в мире от хлебной скудости с 1712 году»¹⁴³. В вотчинном с. Ильинском А. П. Салтыкова был двор достаточно молодого, бездетного хозяина 27-летнего Ивана Исакова с 22-летней женой Матреной Ивановой, с ним же жили сноха-вдова Агриппина Иванова 42 лет и брат Григорий Гаврилов, видимо, двоюродный с женой 32 лет и их тремя сыновьями 10, 6 и 2 лет. В 1710 г. «в том дворе написан тесть его Иванов, Иван Иванов (что говорит о тогдашнем его руководстве хозяйством) и он в сходе умре. А брат ево Иван взят в плотники в Санкт Питербурх и з женою на вечное житье»; у Александра Семеновича Колтовского в вотчинной д. Ивановское во дворе Григория Юдина 43 с женой Антониной 37 лет, женатым братом Федором 40 и его сыном 15 лет, и также с женатым Иваном 33 лет и 4-Динадочерью его «племянник Иван Трофимов с женою взят в плотники в Санкт Питербурх на вечное житье. На том дворе две избы»¹⁴⁴. В приведенных случаях, а таких не много, в Петербург переселены целиком крестьянские семьи, которые изъяты из вотчин – духовной и светских.

Примыкает к варианту «взят... в работники» указание на выполнение специальной миссии. Так, в д. Писцово вотчины Ростовского епископа из двора Фаддея Иванова 55 лет с 45-летней женой и их женатым, пока бездетным, сыном 25 лет и младшим сыном 12 лет племянник главы Иван Борисов 40 лет с женой ровесницей и двумя дочерьми 18 и 7 лет не был записан в книгах 1710 г. «для того, что в то число был в провожатых за государевыми коньми в Санкт Питербурхе»; или крестьянин помещика Василия Афонасьевича Протопопова Осип Алексеев 45 лет с женой 35 лет не указан в книгах 1710 г. «И он в то время» был в Петербурге, «послан был за государевым хлебом. А жена ево в то время скиталась в мире». Теперь, в 1717 г. у них двухлетняя дочь¹⁴⁵. Она, скорее всего, родилась после возвращения супругов, и предположительно оно могло произойти в 1713–1714 гг.

Встречается, но реже, формулировка: «Сшел в работники...». В д. Никитино Спасо-Прилуцкого монастыря показан двор, где главами являются два брата Логин и Фрол Овдокимовы. У 36-летнего Логина – жена Марья 43 лет и пятеро детей: сыновья 15 и 12 лет и дочери 18, 14 и 8 лет. Его холостому брату Фролу 20 лет. «А отец их Евдоким Логинов постригся в Прилуцком монастыре в 1713 г., жена ево Каптелина Васильева дочь умре в 1711 году, а Иван сшел в работники в Санкт Питербурх в прошлом 1716 году, а Федор бежал безвестно в 1714 году, был холост»¹⁴⁶. Родство двух последних не указано. Вчитаемся в пояснительную запись. Отметив судьбу родителей братьев-глав двора, в непосредственной логической связи с этим переписчик продолжает говорить об ушедшем в столицу Иване и бежавшем Федоре. Судя по контексту, они, скорее всего, доводились сыновьями выбывших из двора супругов и братьями дворохозяев. Косвенным подтверждением тому может стать возраст Логина и его брата Фрола, разница между которыми значительна и составляла 16 лет, промежуток более чем достаточный для рождения у родителей других детей – их братьев и сестер. Принявший постриг через 2 года после смерти жены, отец братьев ушел доживать свой век в монастырь.

Показательна судьба жителей двора Михаила Киприянова из д. Скорое того же Спасо-Прилуцкого монастыря. Самому Михаилу 33 года, его жене Анне Петровой 32 и сыновьям 12 и 8 лет. На момент переписи 1717 г. эта малая семья – остаток прежде многочисленной

¹⁴³ Там же. Л. 199об.

¹⁴⁴ Там же. Л. 93б, 1133об.-1134.

¹⁴⁵ Там же. Л. 177-177об.; 294об.-295.

¹⁴⁶ Там же. Л. 29-30об.

(11 чел.) семьи, состоявшей из отца Киприяна Естеева, умершего в 1714 г., и его сыновей, братьев теперешнего главы Михаила. Один из них Иван Киприянов, женатый, «сшел в Санкт-Петербург в работники в прошлом 1713 году», другой – Андрей, тоже женатый, «взят в солдаты в восьмой набор», а третий, холостой брат Иван 24 лет «сшел от солдатства безвестно». Жены братьев Ивана (старшего) Февронья с сыном Иваном же (видимо, малолетним) и жена-солдатка Андрея Прасковья Артемьева «сошли в мир безвестно в вышеписанных годах»¹⁴⁷. Можно думать, что этот двор, где у отца-главы было 4 сына работоспособного возраста и три из них – женатые, имел достаток и использован властями (общинными или/и вотчинными) для выполнения мобилизационной разрядки. Примечательно, что, столкнувшись реально с практикой, когда одного брата «забрили» в солдаты, а второй сам подался в Петербург, возможно, предвзято официальный призыв на работы, младший из братьев, 24-летний Иван, от солдатства просто ушел. Употребленное при этом наречие «безвестно» относится, скорее всего, к дате ухода, либо местонахождению сшедшего, либо к тому и другому. Во всяком случае, мужчины этой семьи способны на решительные поступки и, по всей вероятности, рассчитывали со временем вернуться в родной дом.

Крестьянин Кириллова монастыря д. Останино Трофим Ефремов, 20-летний родной брат главы двора 30-летнего Ивана Еремеева, у которого жена-ровесница и годовалая дочь, был «холост, сшел в работники в Санкт-Петербург тому другой год». В книге 1710 г. «ево Ивана с братом не написано для того, что в то время скитался в мире». Старшему из братьев в этот период было около 23 лет, младшему около 13, и можно полагать, что они в то время «кормились» какой-то наемной работой. Вернувшись в деревню, старший брат женился, а младший решил отправиться в Петербург¹⁴⁸.

Вариант «сшел в работники» также имеет разновидность, уточняющую местопребывание работника: «там ныне» или «там и живет». В д. Завраг Спасо-Прилуцкого монастыря существовал двор Якова Петрова 38 лет с женой Прасковьей Семеновой 26 лет и их трехгодовалой дочерью, с 17-летним братом, который «живет в монастыре в крыласких дьячках», а также с матерью-вдовой 70 лет. Отец дворовладельца Петр Данилов умер в 1711 г., а брат Иван «сшел в работники в Санкт-Петербург в 1715 году, там и ныне», его 32-летняя жена с 8-летней дочерью «кормится в мире»; в д. Петраково из хозяйства супругов Петра Анисимова 38 лет с женой ровесницей и сыновьями 10 и 8, дочерью 13 лет «племянник же ево Петров Петр Тимофеев сшел в Санкт-Петербург в работники в прошлом 716 году, там и живет», а его жена с двумя дочерьми «кормятся в мире с того же году»; из двора д. Ярыгино у супругов Григория Иванова 58 лет и Пелагеи Михайловой 60 лет, у которых 24-летний женатый сын Мартьян, второй сын Осип 14 лет, один племянник Матвей «сшел в Санкт-Петербург в работники в 1716 году, там и живет», а другой племянник Алексей «взят в солдаты в шестой набор». Их отец Андрей Иванов, родной брат главы двора Григория, с женой «сошли в мир кормится в 1715 году»¹⁴⁹.

Так же, как при варианте «взят в работники», вариант «сшел в работники» конкретизируется за счет ремесленной специализации, причем с уточнением местонахождения, времени и семейного состояния: двоюродный брат умершего дворовладельца сшел «в плотники в 1715 году и там живет, был холост». Иногда уточнения весьма подробны и касаются даже состояния здоровья. В вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря в д. Гришино жил Матвей Федоров 45 лет с женой 48 лет и своим двоюродным братом Романом Васильевым, 68-летним вдовцом, а также женатым племянником, пока бездетным. Зять Романа Иван Назарьев «сшел» в Петербург «в работники в прошлом 1714 году и там заскорбел», а его жена

¹⁴⁷ Там же. Л. 40об.

¹⁴⁸ Там же. Л. 159об.-160.

¹⁴⁹ Там же. Л. 26об.-27; 32об.-33, 37-37об.

«кормится в мире Христовым именем»¹⁵⁰. Примечательно это редкое указание на болезнь ушедшего в работники. Вотчинник, отпустив крестьянина, безусловно, заинтересован в его возвращении, он и деревня осведомлены о его тяжелом заболевании. Другими словами, сведения об отпущенных и, вероятно, о мобилизованных в Петербург крестьянах доходили до владения, ими располагал и вотчинник. Формулировки переписи 1717 г. о сходе, скорее всего, на заработки говорят о Петербурге как новом для Севера направлении отхода. Все их разновидности интересны еще и тем, что в них «сшел» употребляется в отношении отсутствующего человека, указывая на предпринятое им активное действие.

Есть еще один вариант формулировки о работниках. В книгах 1710 г. имярек «не написан[ы], для того, что в то время был [и] в работниках в Санкт Питербурхе». Так, в сельце Михальцово Кирилло-Белозерского монастыря был двор, в котором жили 3 женатых родных брата: старший из них, глава двора, Прокофий Иванов 45 лет с женой 37 лет и детьми 5 и 10 лет, младшие – Павел 38 лет с женой 32 лет и 3-летним сыном и Осип 25 лет с женой 24 лет и двухгодовалым сыном. По отношению к двум последним братьям как раз и дано пояснение приведенного типа, о нахождении в момент переписи 1710 г. в работниках в Петербурге. Указания на возраст обоих братьев и их семейное положение помогают определить момент возвращения этих крестьян домой. У них малолетние дети 2 и 3 лет, можно допустить, что вернулись они за 3–4 года до 1717 г., и скорее всего, они были холосты, потому потребовалось еще некоторое время, чтобы подыскать невесту и заключить брак. Можно полагать, что из работников они вернулись в 1712–1713 гг.¹⁵¹

В поместной д. Погостище Степана Устиновича Кафтырева имелся двор вдовца Ивана Иванова 50 лет с 20-летней дочерью Дарьей. «У него Ивана зять Елизар Никитин» 20 лет с женой Улитой Ивановой 25 лет, дочерью дворовладельца, и их годовалым сыном Иваном. В 1710 г. «Иванов зять Елизар не написан для того, что в то время был в работниках в Санкт Питербурхе», вернувшись откуда примерно за два года до 1717 г., он женился и вступил в хозяйство тестя. В переписи 1710 г. еще числились братья Ивана Иванова: Никита с женой, Яков с женой и с детьми Федором и Анной, которые «умре тому пятой год». Примечательно указание текущей переписи 1717 г. о том, что именно «у него ж Елизара живет», а не у его тестя, обозначенного главой двора, Борис Иванов 30 лет с женой Матреной Ивановой 32 лет¹⁵². Оно подчеркивает положение зятя, обретшего самостоятельность в хозяйстве 50-летнего тестя. Обратим внимание на возраст обитателей двора: вдовцу И. Иванову – 50, его зятю Елизару – 20 лет. Получается, что Елизару в момент проведения переписи 1710 г., когда он был в Петербурге, было около 13 лет, и он не достиг 15-летия, возраста совершеннолетия. Разумеется, молодые люди начинали работать в хозяйстве рано и к повзрослению овладевали разными трудовыми навыками. А регламентировался ли возрастной критерий для использования молодых мужчин на тяжелых строительных работах, тем более в возводящейся столице, неясно. Доходившие до мест разнарядки¹⁵³ говорят о числе и специальностях требовавшихся в Петербург работников. Понятно, что мобилизованные крестьяне, не имевшие необходимого ремесла, использовались на черных работах. Труд малолетних работников, размер оплаты которых был ниже (составлял примерно 80 %), чем взрослых, применялся, например, при сооружении Александро-Невского монастыря¹⁵⁴. Обстоятельство, что по возвращении из столицы Елизар не вернулся в отчий дом, а «принялся» зятем, вероятнее всего оценить как вынужденное. Факт, что живущему у Елизара женатому Борису Иванову

¹⁵⁰ Там же. Л. 31, 43.

¹⁵¹ Там же. Л. 61—61об.

¹⁵² Там же. Л. 578об.

¹⁵³ См. их примеры в данной главе выше.

¹⁵⁴ Семенова Л. Н. Указ. соч. С. 57–58, 156.

было 30 лет, а его вполне допустимое родство с И. Ивановым, тестем Елизара, не показано, косвенно говорит об обретенной за время пребывания в Петербурге житейской силе, позволившей ему преодолеть старшинство Бориса и совершать независимые действия.

В поместье Артемия Петровича Волынского в д. Подолец Сямской вол. был двор 57-летнего вдовца Ивана Федорова с сыном Тимофеем 30 лет и его женой-ровесницей, с их сыновьями 6 лет и 1 году, вторым женатым сыном 22 лет (жене 26), а также 13-летней дочерью. В книгах 1710 г. Тимофей не был записан «для того, что в то время был в работниках в Санкт Питербурхе». В том же поместье в д. Горбово имелся населенный двор из 12 человек, который возглавлял вдовец Иван Григорьев 77 лет. У него – 2 женатых сына зрелого возраста, одному Сергею и его жене по 37 лет и их 4-м детям от 13 до 2 лет, второму Ермолу 30, а его жене Марфе 28 лет и их сыну 4 года и дочери 1 год, также с ними жила 27-летняя дочь дворохозяина. В переписи 1710 г. «помянутый Иванов сын Ермола не написан для того, что в то время был в плотниках в Санкт Питербурхе»¹⁵⁵. Один из этих 30-летних крестьян со строительства северной столицы вернулся в свою деревню около семи лет назад, видимо, вскоре после переписи 1710 г., ибо у него 6-летний сын, а второй, плотничавший в ней, за 5 лет до переписи 1717 г.

В поместье Артамона Ивановича Патрикеева в д. Сидоровское существовало домохозяйство Козьмы Харитонов 60 лет с 50-летней женой Анной Афонасьевой, 20-летним сыном Логином, а также женатым сыном Семеном – 30 лет с 25-летней женой и детьми Степаном 2 и Мариной 11 лет. В 1710 г. «помянутой Козмин сын Семен и 3 женой не написаны для того, что в то время был в работниках в Санкт Питербурхе», а записанный Козмин «племянник Михайло Федоров 3 женой Авдотьей, и они умре тому пятой год»¹⁵⁶. Сыну Семена – 2 года, и время его возвращения из Петербурга домой следует определить, ориентируясь на сыновнее малолетство, и это произошло в 1713–1714 гг. Интересно, что Семен не был внесен в книги 1710 г. вместе с женой. Отсутствие же ссылки на ее скитальчество во время отлучки мужа и контекст приведенной выше записи косвенно говорят о возможности ее пребывания с мужем в Петербурге. В д. Бедрино поместья Федора Елисеевича Монастырева наличествовало хозяйство Дементия Артемьева 65 лет с женой Матреной Ермолаевой 30 лет с тремя взрослыми сыновьями: женатым 35-летним Ларионом с 30-летней женой, вторым женатым Семеном 25 лет и его 22-летней женой Анной и их годовалым сыном, а также третьим холостым Тимофеем 17 лет. В 1710 г. «у него Дементья помянутый сын Семен не написан для того, что в то время был в Санкт Питербурхе»¹⁵⁷. Из него Семен вернулся примерно в 1715 г., обзавелся женой и сыном. К 1717 г. двор представлял собой семью с четырьмя трудоспособными мужчинами-работниками, причем у его главы 30-летняя жена, которая, доводясь свекровью своему 35-летнему пасынку, была ровесницей его жены, а своей невестки. В поместье вдовы княгини Марии Ивановны Несвицкой в д. Подол имелся двор 30-летнего Ивана с 40-летней женой Прасковьей Федоровой и сыном 11, дочерью 8 лет, который «в том году (1710 – *Е.Ш*) был в работниках» в Петербурге, откуда и возвратился. В том же владении в д. Матвеевская интерес представляет двор, который возглавляла вдова Анна Лазарева дочь Артемьевская жена Киприянова 70 лет. У нее 3 женатых сына: один Илья Артемьев 40 лет с 35-летней женой и их сыном Васильем 2 лет, другой Прокофий Артемьев 28 лет с женой 25 лет и двухгодовалым же сыном, и третий Игнатий 25 лет с 20-летней женой и без детей. Старшие сыновья Илья и Прокофий, не внесенные в книги 1710 г., «были в Санкт Питербурхе в работниках»¹⁵⁸. Они вернулись, судя по их двухлетним сыновьям, за 3–4 года

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 506, 507-507об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 659.

¹⁵⁷ Там же. Л. 692об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 741об., 742об.

до текущей переписи, однако ни один из них, логичнее бы старший, не возглавил домохозяйство, которым в их отсутствие руководила их мать-вдова. На данном этапе, по всей вероятности, с точки зрения семейной стратегии рациональнее было сохранять существующее положение, когда главенство и ответственность за несение тягла лежали на матери-вдове, а ее взрослые сыновья имели некоторую возможность для хозяйственных манипуляций.

В вотчинной д. Волково Петра и Ивана Васильевичей Колтовских в Кубенской вол. Семен Савинов 40 с женой 30 лет и малолетними (3 и полгода) дочками и со своим родным братом Василием 25 и его 30-летней женой без детей, а в 1710 г. «он Семен и брат его Василий не написаны для того, что в то время были в работниках в Санкт-Петербурге». В том же владении в д. Обухово у Федора Васильева 50 лет с женой ровесницей и сыном 15, дочерью 12 лет и его родного брата Петра 45 лет с 40-летней женой и детьми Семеном 12 лет и дочерьми 3 лет и 10 недель в 1710 г. был написан «сын Иван, и он взят в работники в Санкт-Петербург в 1715 году», а упомянутый брат Федора Петр не внесен потому, что «в то время был в работниках». Имевшиеся в 1710 г. племянники Федора «Иван да Михайло Емельяновы дети, и они умре з женами тому третий год»¹⁵⁹. Из этого двора с хронологическим разрывом в несколько лет отправлены на работы два человека. Опираясь на возраст малолетних девочек Петра, можно понять, что он возвратился из Петербурга приблизительно в 1713 г., и, словно вместо него, в 1715 г. из того же хозяйства взят другой молодой мужчина, уже сын дворохозяина. В вотчинной д. Лахмино Никиты Федоровича Юшкова был двор молодых крестьян Ивана Григорьева, ему 25 лет, его жене 20 лет, с ним же его брат Павел 13 лет. «А в переписной книге 1710 году они Иван и Павел в то число не написаны для того, что он Иван был в работниках в Санкт-Петербурге, а Павел был малолетен»¹⁶⁰. С кем оставался этот 3-4-летний ребенок в отсутствие старшего брата, сведений нет, как и об их родителях. Правда, в предыдущем, соседнем дворе находим Семена Григорьева 50 лет с 45-летней женой и 12-летним сыном. Записанный в 1710 г. его сын Федор был «отдан в салдаты в пятой набор». Главы этих двух дворов имеют одинаковое отчество Григорьев, возможно, они братья, но ссылки на их родство нет.

Рассмотренные варианты формулировок о мобилизациях в солдаты и в работники отличаются по характеру. В одном из них «взят» – «отдан» присутствует неотвратимое принуждение, причем в нем соединены необходимость отбывания государственной повинности и тот принцип отбора, которым руководствовалась местная община и/или вотчинник. В другом варианте «сшел», относящемся более к уходу в Петербург, но также и для «прекормления» в близкой или удаленной от деревни округе, просматривается добровольность. Община знает об уходе, и по всей вероятности, вотчинник информирован и разрешил его. Для государственных нужд крестьянин «взят» в солдаты или работники, из имения землевладельца он и взят и отдан, а для общины и тем более семьи он «отдан», из последней даже изъят как близкий (сын, брат) или боковой (племянник) родственник, как работник, соучаствующий в создании общесемейного благосостояния (в пределах допустимых возможностей) и в несении повинностно-налоговых обязательств в пользу своего землевладельца.

Как известно, мобилизация в армию во время Северной войны и на строительство Петербурга сопровождалось большими людскими потерями. В армии служили пожизненно. Солдаты навеки покидали родные деревни. Далеко не всегда удавалось вернуться вологжанам и из возводящейся столицы. Перепись использует формулу: имярек «взят в работники... и там умре». В вотчине Кириллова монастыря в с-це. Михальцово имелся многочисленный на 1717 г. двор в 12 человек Федора Никифорова 47 лет с женой Матреной 46 лет и малолетними сыном и дочерью, здесь же два его двоюродных брата Данило 40 лет и Иван 30

¹⁵⁹ Там же. Л. 1129–1130.

¹⁶⁰ Там же. Л. 1110об.

лет со своими женами и малолетними детьми, по два ребенка у каждого из братьев. Отсюда племянник нынешнего главы Иван Игнатьев был взят в работники «в 1712 году и там умре», а «брат ево Максим взят в солдаты в том же году». При этом внесенные в перепись братья Данило и Иван в предыдущей переписи 1710 г. «не написаны для того, что в то время ходили на судах к городу Архангельскому». Двор был наполнен взрослыми мужчинами и был использован скорее общинными, нежели монастырскими властями для решения полученной мобилизационной разнарядки. В той же вотчине в д. Сараево в 1717 г. в двух соседних дворах значатся: 52-летний Ларион Архипов с женой 54 лет и 17-летней дочерью и его родной брат 37 лет Семен с женой 32 лет и 9-летним сыном в одном, а его 25-летний племянник Андрей Анциферов с женой 23 лет – во втором; причем в 1710 г. все они обитали в одном дворе, и у Андрея Анциферова был брат Иван, «и он взят в работники в 1712 году и там умре»¹⁶¹. Из двора 45-летнего Леонтия Титова с женой и 10-летним сыном в д. Мынчаково епископа Ростовского и Ярославского был взят на работы в 1714 г. его старший сын Павел «и там умре, был холост». В поместной д. Хрипулево князя Богдана Ивановича Гагарина из двора двух братьев Григорьевых, одного – Леонтия 72 лет с женой 67 лет, 42-летним женатым сыном Иваном и его сыном 2 лет, и еще двумя детьми и второго – Петра 67 лет с женой ровесницей, сыном 17 и дочкой 11 лет, внук их третьего, покойного, брата Якова был «взят в работники в Санкт Питербурх в 1715 году, там умре»¹⁶².

Даже приведенные свидетельства переписной книги показывают, что существовали домохозяйства, которые поставляли не одного кандидата для мобилизаций. Выше упоминались дворы, из которых были взяты в армию по двое мужчин: в поместной д. Борилово Г. Б. Засецкого из людного двора – сын и племянник главы одновременно в один набор; в поместной д. Романово М. Е. Шепелевой у Андрея Артемьева – также в один набор 1715 г., и оба новобранца были женаты, а их жены и дети позже умерли; из хозяйства в вотчинной д. Погорелое А. П. Салтыкова – старший сын и средний по возрасту брат дворохозяина; из д. Голеда имения А. И. Дашкова – сын и племянник главы двора¹⁶³. В поместной д. Починошное Григория Васильевича Рязанова имелся двор 30-летних супругов Никиты Федорова и Ирины Артемьевой с двумя малолетними дочерьми, и «с ними же живет» Федор Мелентьев 65 лет с женой Устиньей Федоровой 50 лет, родство которых по отношению к главе двора не указано. В книге 1710 г. «в том дворе написана вдова Акилина, и она умре в давних летех. А сын ее Василей взят в салдаты в пятой набор, племянник же ево Андрей отдан в салдаты в осмой набор, Яков умре тому пятой год». Обращает на себя внимание упоминание этих людей без имен их отцов, что говорит о притупившейся, стершейся памяти о них. Находился ли с ними в родственных отношениях живущий ныне, в 1717 г., с главой двора Федор Мелентьев, сказать невозможно. Вероятнее всего, двор между переписями обезлюдел, в том числе за счет наборов в солдаты, и в нем появилась новая семья. В д. Виртово вотчины епископа Ростовского и Ярославского был двор Семена Кондратьева 50 лет с женой-ровесницей, и его двое сыновей, значившиеся в переписи 1710 г., взяты в солдаты: Степан «в третей на десять набор», был холост, и Петр в «десятой набор», а брат Семена Иван умер «тому шестой год». В д. Угрюмово поместья Никиты Михайловича Наумова у вдовы Дарьи Зиновьевой дочери Семеновы жены Маркова 30 лет с 10-летней дочерью в 1710 г. записаны ее муж Семен Марков с 2 сыновьями и матерью, которые умерли в 1713 г., а родные братья Семена «Федосей взят в салдаты в пятой набор в 1716 году, Михайло отдан в седьмой набор

¹⁶¹ Там же. Л. 63-63об., 109об.

¹⁶² Там же. Л. 209об.-210, 398об.-399. О жилищных условиях работников, присланных в порядке отбывания государственной повинности, см.: Семенова Л. Н. Указ. соч. С. 169–170.

¹⁶³ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 234об.-235, 412, 2954, 469.

в том же году». От вполне полноценной семьи остался лишь осколок¹⁶⁴. По два члена семьи были призваны из хозяйств: в поместной д. Гольцово стольника Никифора Дмитриевича Бердяева у Андрея Корнилова «сын ево Петр да племянник Яков Семенов взяты в салдаты в разные наборы после переписи 1710 году», а другой племянник Иван Семенов «бежал в 1713 году»; из д. Липягино поместья Григория и Ивана Семеновичей Кудрявых у Козьмы Демидова двое его сыновей взяты в солдаты Андрей в 6-й, а Прокопий в 10-й наборы; в д. Зеленино вотчины Афонасия Тимофеевича Савелова у братьев Ивана и Григорья Федотовых сыновья «Григорьевы Леонтей да Демьян отданы в салдаты в давних годах, брат же их Иван умре тому третий год»; в вотчинной д. Болсуново стольника Никиты Федоровича Юшкова у Федора Тимофеева в перепись 1710 г. был родной брат Михаил с женой, «и они бежали тому другой год, а дети ево Григорий да Иван отданы в салдаты в пятой набор», племянник Михаил Елисеев бежал «тому четвертый год»; в д. Евлашево А. П. Салтыкова от 52-летнего Григория Федорова с женой Авдотьей 47 лет с малолетним сыном, с женатым 32-летним двоюродным братом и 17-летней дочерью в солдаты были отданы брат Григорий в 5-й набор, другой «Григорий же отдан в третий на десять набор»¹⁶⁵.

Из отдельных хозяйств забирали мужчин как в солдаты, так и в работники, о чем говорят ранее приведенные свидетельства: в спасо-прилуцкой д. Скорое один из братьев дворовладельца Михаила Киприанова сам ушел в Петербург в 1713 г., другой взят в солдаты 8-й набор, оба были женаты; в монастырской же д. Ярыгино племянники Григория Иванова один ушел в столицу в 1716 г., другой пополнил 6-й набор; в с-це. Михальцово Кириллова монастыря один из племянников Федора Никифорова был с 1712 г. в работниках и умер, другой находился в солдатах с того же 1712 г. Из двора «Дементия Сидорова с братом Федором» в д. Кривое вотчины епископа Ростовского и Ярославского, причем братьев женатых с женатым сыном у старшего из них и малолетней дочерью у младшего, прежде многочисленного, между переписями 1710 и 1717 гг. их пасынок, сын умершего в 1712 г. третьего брата, был взят в работники в Петербург «в 1712 году и там умре, был холост». Сын же теперешнего главы двора Дементия Сидорова Исак был «взят в салдаты во второй набор, холост». В д. Бобырево Сямского монастыря – двор 70-летнего вдовца Луки Гурьева с внуками Семеном Матвеевым 16, его братом Михаилом 5 лет и их матерью Епистимией Лукьяновой 30 лет, которую, судя по отчеству, можно считать дочерью главы. В 1710 г. в хозяйстве было 4–5 взрослых работников: женатый сын Луки Иван с двумя своими сыновьями Михаилом и Федором, и Иван «взят в работники в 1714 году, там умре, а жена ево скитается в мире, а дети Михайло взят в салдаты в 1715 году». Так как сын Ивана оказался годен для солдатства, то сам он был вполне взрослым. С Лукой еще жили зять Алексей Семенов с женой, а также двоюродный брат Тимофей Антонов с двумя сыновьями. И «зять Алексей Семенов взят в салдаты в 1715 году, Лукин брат Тимофей умре в 1711 году», а его сыновья умерли один в том же 1711 г., другой в 1714 г. Людские ресурсы двора государство использовало в полной мере в необходимых целях¹⁶⁶. В поместной д. Шумихино Григория Алексеевича Урусова у супругов Ульяна Ларионова 55 лет с 45-летней женой и двоюродным братом Павлом Еремеевым 50 лет с женой-ровесницей и их сыном 10 лет, а также племянником Максимом Ивановым 9 лет, в 1710 г. был сын Ульяна Петр, «и он взят в работники» в 1715 г., «а племянник ево Гаврило Еремеев отдан в солдаты в пятой набор»¹⁶⁷.

Показательны судьбы крестьян в поместье Ивана Даниловича Беклемишева. В д. Верхний Косогор переписью 1717 г. учтен двор супругов Гаврила Иванова сына Балашова 67 с

¹⁶⁴ Там же. Л. 208об., 427, 493.

¹⁶⁵ Там же. Л. 558об.-559, 785, 978об.-979, 1108, 1147об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 40об., 37–37 об., 109об., 203–203об., 152об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 450об.

женой Ксенией Мокеевой 69 лет, с их женатым сыном Андреем 42 и Антонидой Дмитриевой 37 лет, у которых: женатый сын, а внук Гаврила, Савелий – 14 лет с женой Елизаветой Кондратьевой 23 лет, и еще трое младших детей Иван 9, Василий 2 и Марфа 11 лет. В 1710 г. во дворе Гаврилы написан пасынок, т. е. сын его жены, Матвей Васильев, который «з женою Маремьяной умре в 1715 году», а их сын Степан «отдан в солдаты в шестой набор, а жена ево Ульяна Агапитова вышла замуж, а сын их Максим умре». Брат Матвея (т. е. пасынка) «Анисим Иванов Обухов умре в 1712 году, а сын ево Афонасей в Санкт Питербурхе в работниках в 1715 году умре», жена его Пелагея с дочерью Дарьей скитается в мире. Дочь Матвея Олена – 24 и дочь Анисима Василиса – 22 лет выданы «замуж назад тому третьей год. На том дворе три избы». Состав жителей данного домохозяйства интересен своими родственно-боковыми и свойственными связями. Во-первых, обратим внимание на возраст Савелия (внука главы двора) и его жены, которая на 9 лет старше своего 14-летнего мужа. В хозяйство, где реальными, полновесными работниками, по всей видимости, был его отец Андрей Гаврилов с женой, потребовалась дополнительная труженица. Молодого, старшего из имевшихся у них четверых детей сына женили и приобрели 23-летнюю сноху, усилив таким способом трудовой потенциал семьи. Во-вторых, упомянутую, выданную замуж Олену Матвееву удалось обнаружить в д. Нижний Косогор, описание которой следует за предыдущим. Деревни Верхний и Нижний Косогоры, несомненно, соседствовали. Олена вступила в брак с 25-летним Федором Михайловым, который был племянником главы двора Степана Иванова сына Балашова 67 лет, имевшего жену-ровесницу. Оба хозяйства, откуда Олена вышла и в которое влилась в качестве жены и снохи, оказались связаны между собой. Прежде всего, явным родством, ибо возглавлявшие их крестьяне Гаврило Иванов сын Балашов и Степан Иванов сын Балашов имеют одинаковые отчества и прозвания (фамилии?), они братья, им по 67 лет, если возраст указан верно, а также свойством, ведь Олена – дочь пасынка Гаврилы Балашова. Затем, главы обоих дворов, находясь в близком родстве и ставшие когда-то соседями, причем не в одной деревне, а в близ лежащих, не прервали своих связей, а подкрепили их брачными узами младших не прямых потомков. По переписи, конечно, невозможно судить, насколько добрососедскими оставались их отношения, вполне допустим вариант типа – сбыли девку с рук – ведь ей за двадцать.

В расположенной поблизости от этих деревень д. Матвеевской того же поместья И. Д. Беклемишева имелся двор 37-летнего Матвея Филиппова, он «глух, крив и хром», с женой Прасковьей Федотовой 25 и племянником Иваном Никифоровым 11 лет. Жившие здесь в 1710 г.: его отец Филипп Лазарев и мать Авдотья «померли в 1712 году», брат Никифор с женой и сыном тоже «померли назад тому лет с пять. Иван (вероятно брат?) в Санкт Питербурхе в работниках умре в 1712 году. Другой брат Иван же отдан в солдаты в десятой набор. Матвеев же брат Иван Иванов сын Семичев», его жена и 2 сына «померли тому третьей год»¹⁶⁸. Данные дворы, некогда наполненные примерно шестью работниками, между переписями лишились около двух третей из них за счет естественной убыли и обеспечения мобилизаций.

Рассмотрим домохозяйства в поместной д. Тарасово Василия Ивановича Головина, где в 1717 г. значился двор вдовца Кирилла Парфеньева 50 лет с двумя женатыми сыновьями: Михаилом 35 с женой-одногодкой Анисьей и двумя детьми, Прокопьем 30 лет с женой того же возраста и также двумя малолетними детьми, и еще с племянником Дементием Васильевым 20 лет. В хозяйстве – 7 взрослых, из них четверо мужчин-работников. В 1710 г. у главы двора Кирилла был сын Савва с женой Пелагеей Яковлевой и дочерью Ириной, который когда-то был призван в армию. «И они Сава умре в салдате, жена вышла замуж в иное поместье Протопопова Сямской волости в село Фрязиново, дочь Ирина умре». У Кирилла

¹⁶⁸ Там же. Л. 415–416, 417–417об.

еще был родной женатый племянник Максим Герасимов и с двумя дочерьми Татьяной и Марьей. Он был «взят в работники в 1712 году и умре», а его жена Акилина Денисова в книгах 1717 г. «писана выше сего с Александром Тихоновым», т. е. в предыдущем дворе, а обе дочери умерли. Во дворе Александра Тихонова 42 лет с женой Агриппиной Парфеньевой 35 лет и сыновьями 15 и 12 лет, дочерью 8 лет и записана «у него ж вдова» 30-летняя Акилина Денисова дочь Михайловская (нужно Максимовская – *Е. III.*) жена Герасимова». Вряд ли вдову, которая была женой племянника главы соседнего двора Кирилла, вселили в совершенно чужое хозяйство. Между этими дворами должна быть какая-то общность, и она обнаруживается. Кирилл и жена соседа Александра Тихонова Агриппина имеют одно отчество – Парфеньевы, они – несомненно брат и сестра, а Александр доводится Кириллу шурином¹⁶⁹. Так что жители записанных подряд хозяйств и обитавшие в непосредственном соседстве соединены родственно-свойственными отношениями. Вдову убедили перебраться в численно меньший двор, тем более что на нем «две избы», и вероятно, по хозяйственным соображениям, а не только чтобы сфальсифицировать подаваемые для переписи данные.

В д. Евлашево поместья А. П. Салтыкова имелось хозяйство Ивана Калинина 57 лет с женой Ириной Лазаревой 67 лет, их сыном Ильей 32 лет с женой 34 лет и 4-мя сыновьями от 9 лет до года, и также с родным вдовым братом Никифором 47 лет, у которого 4 сына. Один – Карп был женат, он умер, его жена 27 лет живет со свекром, а 9-летний сын скитается в мире, второй сын Никифора Тимофей отдан в солдаты в пятой набор, третий сын Марко 20 и четвертый Иван 16 лет «сошли в работники» в Петербург в год переписи – 1717-й¹⁷⁰. Семья из двух женатых братьев, имевшая примерно 7 работников, отдав одного в армию, отпустила двух братьев и одновременно племянников главы Никифора в строящуюся столицу, возможно предвосхитив грядущий набор в нее.

Реакция крестьян на государственные мобилизации была более чем определенной. Перепись 1717 г. неоднократно отмечает случаи уклонения от солдатства, произошедшие после 1710 г. От него крестьяне сходили или чаще сбегали, что следует из уже сообщенного материала. Сход, уход от набора в армию предполагает возможность возвращения. Бегство же, как более радикальный способ конфликта с существующим социальным порядком и мера выражения протеста, не означало вероятности возврата и несло в себе потенциал разрыва связей с тем социальным и житейским микромиром, в котором существовал крестьянин. Перепись 1717 г. показывает крестьян, как бежавших от солдатства, так и вернувшихся после побега в свои деревни и образовавших семьи. Так, в вотчине епископа Ростовского и Ярославского значатся в д. Долматово 20-летние бездетные супруги Петр Иванов и Марья Иванова, а ранее «он Петр не написан для того, что от солдатства был в бегах до переписи 1710 году», т. е. если возраст показан верно, то Петр бежал мальчиком и вернулся перед переписью 1717 г., успев жениться. В епископской же д. Романово показан двор Евдокима Михайлова 42 лет с женой ровесницей и их женатым сыном 23 лет и Опросиньей Васильевой 17 лет, которые пока бездетны, и у него «брат ево родной» Иван 39 с женой Февроньей Тимофеевой 30 лет и их 9-летним сыном. «А в переписной книге 1710 году Евдокимов сын Иван и брат ево Иван же были не написаны для того, что от салдатства были в бегах». Запись лаконична. Бегство молодого сына Евдокима, которому в 1710 г. было около 16 лет, понятно, однако на такой шаг решился и 32-летний брат Евдокима, который, судя по возрасту его ребенка, уже был женат. В д. Дулово того же владения находились соседствующие дворы Ивана Антропова 77 лет и Антона Антропова 57 лет, которые, явно, братья. У одного из них, старшего, Ивана, женатого на 72-летней Василисе Трофимовой, женатый сын Василий 25 лет с ровесницей женой и детьми Филиппом 3 и Авдотьей 6 лет. Он в 1710 г. «не написан,

¹⁶⁹ Там же. Л. 653-653об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 1147об.-1148.

был от салдатства в бегах». Записанный же сын Ивана Иван взят в солдаты «в девятой набор в 1710 году», его жена умерла «тому пятой год», их сын живет у своего дяди. Василий, если учитывать возраст его дочери, «бегал» около двух лет, и после возвращения завел семью. У другого брата Антона Антропова с 56-летней женой значился женатый сын Василий 30 лет с 29-летней Прасковьей Марковой. «Антонов же сын Таврило взят в салдаты в десятой набор, холост. А в переписной книге 1710 году были не написаны для того, что они Василей и Таврило от салдатства были в бегах». Оба брата возвратились, однако Гаврила не избежал армии и попал в 10-й набор. Василий успел жениться, но дети у него не показаны, быть может, они умерли в самом раннем возрасте. Каждая из семей братьев Антроповых стала поставщиком солдат на шедшую Северную войну. В епископской же д. Кривое у Ивана Иванова 47 лет с 25-летней женой, старшим женатым сыном Федором 20 лет и двумя малолетними дочерьми, Федор в 1710 г. не попал в перепись, так как «от салдатства в малых летех был в бегах». Весьма красноречивое свидетельство! В том же епископском владении д. Мынчаково из двора Григория Стафиева 72 лет с 50-летней женой и женатым сыном Григорием же 24, его женой 20 лет, и еще с младшими детьми 9-летним сыном Семеном, Матреной 17 и Анной 14 лет Григорий Григорьев сын в 1710 г. «от салдатства был в бегах». Судьба этих крестьян интересна и в ином аспекте. В 1710 г. «был написан у Григорья сын Иван, и он с женою Анной умре тому пятой год». Сбежавший от призыва Григорий тогда был «с нижеписанным братом своим Васильем в одном дворе. А ныне по осмотру Василей написан в особом дворе». В соседнем дворе находим Василия Стафиева 57 лет с 47-летней женой и 15-летним сыном Ерофеем. В период между переписями произошел как бы родственный обмен дворами. К 1710 г. в одном дворе жили Григорий Стафиев со старшим женатым сыном и младшими детьми, в другом дворе родной брат Григория с племянником, сыном своего старшего брата. Возможно, тогда этого требовала хозяйственная или иная необходимость. После смерти сына Григория Ивана и возвращения Григория из бегов последний поселился во дворе отца, тем более что он стар. В д. Рослятино той же вотчины у Федора Алексеева 35 лет с женой 30 лет и 11-летним сыном жили два его женатых брата, у каждого из которых имелось по 1 ребенку: 30-летний Леонтий с 4-летним сыном и 25-летний Семен с 3-летней дочерью. В 1710 г. эти братья главы двора Федора «были от салдатства в бегах, бежали в 1709 году»¹⁷¹, т. е. до начала переписи.

Интересны данные по поместью княгини М. И. Несвицкой в Сямской вол., состоявшем в 1717 г. из 22 жилых дворов в д. Малгино с 5 деревнями. В д. Матвеевской было хозяйство трех женатых родных братьев: главы двора Филиппа Иванова 45 с женой Фетиньей Исаковой 40 лет и сыном Иваном 2 лет, Трофима 30 с женой Степанидой 28 лет и Козьмы 25 с женой Марьей 23 лет. В 1710 г. были не записаны «Филипповы братья Трофим да Козма для того, что они от солдатства в то время бежали». Однако их побег не избавил насельников двора от набора, в 1715 г. Филиппов «племянник Карп Тимофеев взят в солдаты в осмой набор». В д. Иванковской в 1710 г. не попал в книги сын 60-летнего дворохозяина Ивана Григорьева (жене 70), причем – второй, Семен, которому 25 лет и у него жена одногодка и сын 1 году, так как он «в то время бежал от солдатства», а возвратился он примерно в 1715 г. В той же д. Иванковской из хозяйства женатого 35-летнего Григория Иванова с 3 малолетними (5, 3, 1) детьми не попали в перепись 1710 г. его 2 брата: Терентий 24 лет, жене 20, без детей и холостой Логин 20 лет, так как «они в то число бежали от солдатства», а отец трех братьев Иван Мартьянов «з братьями и з женами и з детьми умре в 1715 году». В соседнем с этим дворе Семена Петрова 45 с женой 30 лет и 15-летним сыном, с родным братом Перфилием 30 лет с его женой ровесницей и тремя малолетними (7, 3, 1 лет) детьми в 1710 г. не был

¹⁷¹ Там же. Л. 199об., 205об., 201-202об., 212, 210об.-211.

написан как раз Перфилий, ибо «бежал он в то время от солдатства»¹⁷². Из сказанного ясно, что из своих хозяйств крестьяне бежали не только по одному, но и по два человека, и в бега ударялись сын, сын и брат, племянник, 2 брата того или иного дворохозяина.

Мобилизация как государственное мероприятие и бегство как ответ на него сопутствовали друг другу. Так, в полусельце Чашниково Марии Гурьевны Огарковой в 1717 г. имелся двор 60-летнего Дмитрия Степанова с женой ровесницей и 20-летним женатым сыном Иваном, а также с двоюродным племянником Михаилом Андреевым 30, его женой 35 лет и 3 дочерьми 10, 8 и 7 лет. В 1710 г. Михаил с женой и детьми были в бегах и в перепись не попали. В нее были внесены жившие в этом дворе двоюродные братья главы: Василий, Дмитрий и Иван Васильевы. Василий с женой Варварой Стафеевой и с 2 детьми и Иван бежали в 1713 г., а Дмитрий Васильев взят в солдаты в 1714 г., после чего его жена Наталья Иванова бежала в том же 1714 г. В поместной д. Коренево стряпчего Михаила Юрьевича Рязанова из хозяйства вдовца Дмитрия Ефимова 70 лет с 30-летним женатым сыном, бездетным и другим сыном Ефимом 17 лет «Дмитриевы дети Григорей отдан в солдаты в шестой набор, Иван з женою и з детьми бежали безвестно в 1715 году», и в данном случае «безвестно» определенно относится не к дате, а к направлению побега и местонахождению беглецов. В д. Терентьево С. А. Колычева в Воздвиженской вол. был двор супругов Ивана Михайлова 55 и Домны Самсоновой 35 лет с пятью детьми от 14 лет до полугода, где в 1710 г. написан «брат ево Иванов родной Алексей с женой Парасковьей Федоровой с сыном Никитой», с женатыми «с племянники родные Иваном, Никифором Васильевыми» (у последнего сын). «И они Алексей умре в 1712 году, племянник ево Иван с женою и з детьми, Алексеева жена Парасковья с сыном бежали в 1714 году. Никифор взят в солдаты в 1711 году, жена его вышла замуж в ыное поместье, с ней же сын ее Степан». В д. Негодаево Алексея Семеновича Маркова значился Данило Федотов 60 лет с двумя женатыми сыновьями Никитой 30 и Иваном 22 лет, женам обоих по 20 лет, и детьми (года и двух) у каждого из сыновей. В соседнем «особливом дворе» оказался родной брат Данила Харитон Федотов 40 лет с 30-летней женой, с 17-летним женатым сыном с женой ровесницей без детей, другим сыном 14 лет и дочерью 1 года. В 1710 г. у Данилы были написаны: сын Степан с женой, которые скитаются «в мире безвестно с 1714 году», брат Никита Федотов с женой и сыном бежали в 1713 г., их племянник Матвей Васильев с женой «умре тому пятой год», а его сын Владимир «отдан» в солдаты в 6-й набор¹⁷³. Из только что сказанного видно, что крестьяне бежали, в том числе и от мобилизаций, не только поодиночке, с кем-либо из родственников, но и малыми семьями. Характерно, что, пробыв в бегах более или менее продолжительное время, крестьяне возвращались в свои деревни и, таким образом, к землевладельцам.

Естественно, перепись не говорит и не должна говорить о сыске беглых крестьян и о наказаниях, которым подвергались вернувшиеся из бегов. А. Г. Маньков в свое время подробно исследовал законодательство второй половины XVII в. о беглых и об организации их сыска. Он впервые проанализировал важный памятник – Наказ сыщикам от 2 марта 1683 г., регулирующий не только процедуры сыска беглых, но и сферы крепостного права в целом. Ученый выяснил источники и постатейный состав Наказа и убедился, что тот вобрал в себя важнейшие законодательные акты 1658–1683 гг. Он уделит внимание указу 1691 г. и особенно двум указам марта 1698 г., которые развивали и дополняли Наказ сыщикам 1683 г. в плане кары за прием беглых. Организацию сыска беглых А. Г. Маньков изучил в ракурсе постоянно действовавшей государственной системы с присущими ей организационными звеньями. Историк рассмотрел названные и другие законодательные акты также при характеристике крестьянского вопроса в Палате об Уложении 1700 г. в связи с перера-

¹⁷² Там же. Л. 743, 745, 746.

¹⁷³ Там же. Л. 276-276об., 386об.-387, 482об.-483, 583-583об.

боткой в ней главы XI «Суд о крестьянх» Уложения 1649 г. Он установил, что в результате переосмысления и редактирования законодательства второй половины XVII в. была выработана юридическая база в сфере регулирования прав землевладельцев на крестьян и борьбы с побегами последних, отвечающая условиям рубежа XVII и XVIII вв. Реально сложившаяся к этому времени система государственного сыска сводилась, в конечном счете, к посылке сыщиков и приставов в определенные районы для вылавливания беглых и водворения их к прежним владельцам, содействию этим акциям местных органов власти, инициативному участию самих помещиков и вотчинников в розыске при поддержке и военно-административной помощи местных властей¹⁷⁴. В годы Северной войны правительство, полагает Е. В. Анисимов, мирилось с бегством, нуждаясь в людях для армии и флота, в работниках на многочисленных стройках. Ужесточение борьбы с бегством началось в 1721–1722 гг., когда были изданы несколько законов, которые вводили полуторагодовой срок вывоза беглых с момента опубликования указа, расширили контингент причисляемых к беглым, значительно повысили штраф за их держание, ввели телесные наказания за их утайку и другие суровые меры. Сыск беглых, ведшийся в государственном масштабе, ученый оценил следующим образом. «Это была продуманная, выверенная акция, рассчитанная, наряду со многими, уже упомянутыми выше, на то, чтобы заложить основы того социального порядка, который соответствовал общей концепции полицейского государства. Законы о беглых, реализованные в ходе проверки наличного населения, положенного в подушный оклад, не были временными. Они создавали юридическое основание для борьбы со всеми видами несанкционированного передвижения по стране. Законы о преследовании беглых, иначе говоря о запрещении покидать место жительства, ставшее и местом платежа подушного налога, распространялись не только на помещичьих крестьян, но и на все население, включенное в подушный оклад»¹⁷⁵.

Перепись 1717 г. фиксировала бежавшее население, итожила его число по каждому из описываемых владений, административной части уезда и уезду в целом. Она содержала поступательную, итоговую информацию, дающую представление правительству о масштабах бегства. В Кубенской трети Вологодского у. беглые составили около 16 % убывшего населения¹⁷⁶. Государственные мобилизации имели негативные последствия для землевладельцев, особенно средне- и мелкопоместных, тем более находящихся вдали от имений на военной службе. Потребность поместно-вотчинных хозяйств в работниках, обеспечивающих производство дохода, была немаловажным фактором, и потому они принимали назад бежавших от них крестьян, которые снова включались в жизнь семейную, деревенскую и поместно-вотчинных владений в целом. Приказчики последних, если таковые были, или мирские старосты с сотскими предоставляли, когда это требовалось, возвратившимся крестьянам место для поселения. Интересны сведения об имении братьев Вараксиных. В д. Высокое из 4-х дворов, находившейся в совладении Никиты и Ивана Федоровичей (2 дв.), Никиты Федоровича (1 дв.) и Максима Ильича (1 дв.), за Никитой и Иваном значился вновь поселенный двор Ивана Никитина 60 лет с женой Ульяной Михайловой 55 лет, с племянником «их родным» Прокопием Варфоломеевым 50 лет с женой Улитой 45 лет, у которых дети Иван 5 и Агриппина 4 лет. В 1710 г. «Иван Никитин и с племянником Прокопьем не написаны потому, что в то время были и з женами в сходе, и пришед, поселились тем двором в 1716 году». Тем же братьям Вараксиным принадлежала вновь поселенная д. Алексейцево, ранее бывшая пустошью. В ней двор 55-летнего Логина Степанова с женой Акилиной Савельевой 35 лет и сыном Лукьяном 10 лет, и «у него ж племянники родные»: Артемон Епифа-

¹⁷⁴ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962. С. 60–79, 82–119, 345–360, 371–380, 401–403. См.: *Он же*. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 93–101.

¹⁷⁵ Анисимов Евг. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 370–374.

¹⁷⁶ Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 19.

нов 50 с женой Ириной 35 лет, Василий Прокопьев – 20 с женой Акилиной Митрофановой 20 же лет и холостым Василием Даниловым 16 лет. В книгах 1710 г. они «Логин Степанов и с племянники родными и з женами и з детьми не написаны потому, что в то время были в бегах, и пришед из бегов, поселились в помянутом дворе в 1712 году»¹⁷⁷. Приведенные данные интересны тем, что перечисленные крестьяне вернулись не в свои прежние дворы, а были поселены во вновь заведенных дворе и деревне. Возвращение крестьян из бегов было использовано даже для хозяйственного оживления запустевшей земли.

Из изложенного материала явствует, что в работники и в солдаты община и землевладельцы старались отпускать неженатых мужчин. В армию законодательно рекомендовалось брать холостых мужчин 20-летнего возраста. Однако этот принцип не всегда соблюдался. Порой и в армию, и на строительство Петербурга брались женатые мужчины. Уход мужа-кормильца ставил женщину с детьми в трудное положение, что уже видно из приведенных сведений. Перепись наполнена бесстрастными свидетельствами, что в отсутствие мужа жена, жена с малолетними детьми «сошла/и/ в мир», жены, дочери «кормятся» или «скитаются» в мире, «кормятся Христовым именем». Отнюдь не всегда такой сход «в мир» мог прокормить женщину-солдатку. Переписчики многократно фиксируют смерть женщин и детей в этих скитаниях. В д. Щекарево епископа Вологодского и Белозерского в семье двух женатых двоюродных братьев из 9 человек, сорокалетних Козьмы Андреева с малолетними детьми и Ивана Терентьева с женатым сыном 25 лет и внуком 4 лет в 1710 г. вместо скитавшегося в мире Ивана Терентьева значился двоюродный же брат Дементий Гаврилов, и «он взят в салдаты в 1712 году, жена ево и с дочерью умре того же году». В д. Горка Никольская Спасо-Каменного монастыря из хозяйства Афонасия Дмитриева 28 лет с 38-летней женой и с двумя малолетними детьми его брат был отдан в солдаты в 1711 г., а «жена его Ирина умре тому третьей год». В поместной д. Харапово Петра Михайловича Лызлова имелся двор родных братьев Тимофея Иванова 55 лет с 37-летней женой, 2 сыновьями 17 и 13 лет и Ивана Иванова 25 лет с женой-ровесницей. В 1710 г. здесь «написан брат их Иван Мартьянов, и он отдан в рекруты» в 10-й набор, «а жена ево и з детьми сошли безвестно». Еще «брат же их двоюродный Семен Логинов в прошлом 1712 году умре». Семеновы же дети Никифор 15, Михайло 10, Андрей 4 лет и женатый «пасынок» Федор Григорьев 30 лет «в поданной скаске они написаны в бегах» с 1716 г., хотя «сверх поданной скаски в тех дворах по наезду явились». В д. Митинское поместья Василия Ивановича Волынского – двор вдовца Григория Иванова 44 лет с детьми Федором 16, Афанасьем 12 и Матреной 6 лет, а также с его двоюродным братом Василием Дементьевым 45 с женой ровесницей и детьми Иваном 12, Степаном 1 году и Екатериной 3 лет. В 1710 г. у них был «написан двоюродный брат Яков Миниев, и он отдан в солдаты в 1710 году, а жена ево Федора з дочерью Афимьей скитаецца в мире». В д. Деревенцово А. П. Салтыкова у крестьянина Ивана Алексеева 57 лет с женой Катериной 32 лет, с бездетным женатым сыном 18 лет (жене 20) и с тремя младшими детьми Ильей 15, Авдотьей 5 лет и Анной 1 году после переписи 1710 г. его сын, вероятно старший, Иван «отдан в солдаты в шестой набор, а жена ево Афимья Лукина дочь» 25 лет с дочерью Мариной «бродят в мире». В 1710 г. «в том дворе написан Фома Алексеев, и он з женою умре», и Фома, судя по отчеству, доводился братом главе двора. В вотчинной д. Мидяево Никиты Андреевича Шаховского был двор Емельяна Иванова 46 с женой Пелагеей 36 лет и пятью малолетними детьми. В 1710 г. у Емельяна написан брат Иван Иванов, который взят в солдаты в 6-й набор, а «жена ево Соломонида з детьми с Иваном да с Михаилом... скитаютца в мире безвестно»¹⁷⁸.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 714.

¹⁷⁸ Там же. Л. 85об.-86, 119, 566об.-567, 606об., 952об., 1018.

Положение солдаток в семье свекров было, по всей вероятности, весьма уязвимо. Выходом было новое замужество, о чем встречаются свидетельства в переписи. Так, в уже упоминаемых выше поместных деревнях: Терентьево С. А. Колычева из двора Ивана Михайлова жена его племянника Никифора, взятого в солдаты в 1711 г., вышла замуж «в иное поместье, с ней же сын ее Степан»; Тарасово В. И. Головина у сына главы двора Кирилла Парфеньева, Саввы, взятого в солдаты после 1710 г. и умершего «в салдате», жена «вышла замуж в иное поместье Протопопова Сямской волости в село Фрязиново, дочь Ирина умре»¹⁷⁹.

В вотчине Спасо-Каменного монастыря в д. Нагорское имелся двор вдовца Степана Ильина 57 лет, с женатым сыном 37 лет и внуком, старший же сын Степана был взят в солдаты в 1711 г., «а жена его вышла замуж». В д. Кобелево поместья Ивана Семеновича Нелидова хозяйствовал вдовец Андрей Акинфиев 82 лет с 60-летним сыном Епифаном, его женой Марьей Андреевой 50 лет и 10-летним сыном. С ним же жил «Никифор Филиппьев, племянник ево родной» 70 лет с 50-летней женой и сыном Федором 10 лет. В 1710 г. в том дворе значились: сын Епифана Алексей, умерший в 1716 г., брат Никифора Матвей с женой, «а Матвей отдан в солдаты в седьмой набор в 1711 году, а жена ево вышла замуж в вотчину, которая приписана к гошпитали»¹⁸⁰.

Жены, мужья которых были в работниках и вернулись к переписи 1717 г., в их отсутствие также были вынуждены «бродить в мире». В д. Виртово вотчины епископа Ростовского и Ярославского Досифея к 1717 г. появился двор Дмитрия Ананьина 35 лет с женой Анной 30 лет и 9-летней дочерью. «А в переписной книге 1710 году он Дмитрей з женою и з детьми был не написан для того, что был в работниках в Санкт-Питербурхе, а жена ево и з детьми бродили в мире». У жен, мужей которых взяли на принудительные работы, все же сохранялась надежда на их возвращение домой и на восстановление семьи. Мужчины, можно думать, возвращались в деревню, получив новый жизненный опыт в строящейся столице.

Неустойчивость положения женщины с детьми, которая была снохой в доме свекра, ясна и не требует дополнительного комментария. Женщины порой решались на радикальные поступки. Крестьянка с. Пучка Спасо-Каменного монастыря после того, как ее муж был взят в драгуны в 1716 г., «бежала безвестно» от свекра, который остался с двумя внучатами, детьми солдатки¹⁸¹. Интересен следующий случай. В поместье И. Д. Кушелева в д. Зрелое в 1717 г. был двор вдовца Ивана Терентьева 50 лет, у которого сын 15 и дочь 10 лет, с ним же Мавра Афонасьева дочь Ильинская жена Ермолаева с сыном Максимом 10 лет. Она – вдова, ее муж Илья Ермолаев доводился главе двора Ивану двоюродным братом, который «взят в работники» в 1714 г. «и умре». Сын главы двора Ивана тоже «Иван бежал в 1717 году»¹⁸². Другими словами, существовала семья двух женатых двоюродных братьев и по смерти в работниках одного из них его вдова осталась в семье своего деверя. Правда, и 50-летний деверь, и 30-летняя сноха его брата оба овдовели, однако по устраивавшей их причине продолжают жить в одном дворе. А бегство Ивана, по всей вероятности, продиктовано нежеланием попасть как в работники, так и в солдаты.

В итогах переписной книги 1717 г. по Кубенской трети Вологодского у. за духовными феодалами значилось 460 дворов. По моим подсчетам 70 дворов поставили мобилизованных в армию и на работы, из них в солдаты – из 49 (70 %), в работники – из 21 (30 %), или 15 % дворов от общего их числа. Бежали от солдатства и вернулись жители еще из 18 дворов.

¹⁷⁹ Там же. Л. 482об.-483, 653-653об.

¹⁸⁰ Там же. Л. 120об., 590.

¹⁸¹ Там же. Л. 126.

¹⁸² Там же. Л. 695об.

Из светских владений, которых было около 1200, по моим подсчетам были мобилизованы мужчины из 170 дворов, в солдаты из 120 (70 %) и в работники из 41 (30 %), или 14 %.

Семьи, из которых к 1717 гг. были принудительно вырваны крестьяне самого трудоспособного и репродуктивного возраста, состояли, как правило, из супругов с малолетними и неженатыми детьми (13 случаев), супругов с одним женатым сыном и младшими детьми (18), женатых братьев с детьми как холостыми, так и женатыми (16), женатых дядей с холостыми или женатыми племянниками (7). До такого изъятия семьи в принципе были такой же структуры и состава, однако выбывшего молодого мужчину, по преимуществу холостого и могущего образовать семью, как бы замещал следующий по возрасту и подросший сын или брат. Примечательно, что такое изъятие сопровождалось и разделом семей.

Приведенные многочисленные данные со всей очевидностью свидетельствуют о наборе кандидатов в работники и солдаты из «семьянистых» дворов с неразделенными семьями, в которых было несколько мужчин работоспособного возраста. Такие семьи, даже утратив некоторых из них, восстанавливали свой потенциал и сохраняли хозяйственную способность. В петровское время продолжает действовать принцип, проверенный в XVII в. и нацеленный на набор мужчин из многочайных семей, чтобы сохранялась их платежеспособность.

В плане же оценочного отношения вотчинников и общин к хозяйственному положению дворов для мобилизаций показательны следующие сведения. В уже упоминавшейся ранее д. Горка Минина Спасо-Каменного монастыря в двор, где в 1710 г. хозяйствовал Федор Семенов с сыновьями Иваном, Григорием и племянником Никитой, его братом Дмитрием Нефедовым с сыном, в 1712 г. был «переведен» Дмитрий Тимофеев из д. Петрешино. В этой деревне обнаружен двор женатого Василия Тимофеева 57 лет с женатым сыном Кириллом 19 лет и с младшей дочерью 12 лет. Запись о состоянии на 1710 г. говорит, что тогда в этом дворе жил «брат ево Дмитрий Тимофеев, и он переведен з женою и детьми в вышеписанную деревню Горку в 1712 году»¹⁸³. Объяснение, в какой именно двор, в тот ли, в котором его учла перепись 1717 г., отсутствует. Однако вряд ли сразу по переводе в 1712 г. Д. Тимофеев с семьей из 6 человек поселился в чужеродном дворе Ф. Семенова, даже если его бывший глава ушел в монастырь, скорее всего, овдовев. Ведь двор еще населяли два сына прежнего главы, два племянника и сын одного из них, и четверо из пяти этих мужчин умерли в 1714 г. Двор окончательно запустел еще через два года, в 1716 г., когда другого сына мобилизовали плотничать в новую столицу. Кстати, к этому двору нет пояснения об имевшихся на нем двух избах, какое имеется для двора в д. Петрешино, откуда Д. Тимофеев выселился. Возникает сомнение в правильности указанных дат, хотя о переселении Д. Тимофеева именно в 1712 г. говорится дважды при переписи соседних деревень, и эту дату следует принять. Две другие даты, 1714 и 1716 гг. допустимы, если полагать, что 4 года Д. Тимофеев жил в другом дворе д. Горка Минина.

Во всяком случае, переселение и тем более перевод (а употреблено именно слово «переведен») крестьянина в другую деревню не могли состояться без ведома монастырских властей, хотя бы в лице посельского, и представителей общины, так как в деревне появлялся новый тяглец. Двор, некогда полнокровный, имевший 3–4 мужчин, и возможно 2–3 из них были трудоспособными, потерял их естественным путем. В нем остался один мужчина, вероятнее всего молодой и холостой. И община, а ее решение принимает вотчинная власть в лице посельского, доводят двор до полного упадка, сдав его последнего представителя в работники. Вселение нового жителя во двор, который в принципе не выморочный, показательно. Сдачу в работники крестьяне-общинники воспринимали как выбытие из деревни, и возможно навсегда. Во всяком случае, двор они сочли пустым и нашли в него нового тяг-

¹⁸³ Там же. Л. 117, 117об.

леца, чтобы не оплачивать «пусто». В этом действии общинных и владельческих властей отчетливо проявилась ориентация и стратегия монастыря.

В вотчине Вологодского и Белозерского епископа в д. Кишкино обозначен «дворишко нищенские девки Алены Алексеевы дочери, а ей 30 лет. У нея сестра Парасковья 7-ми лет. А в книгах 1710 году оной двор был пуст Харлама Козьмина, а он взят в Санкт Питербурх на вечное жительство в 1715 году. А отец ево и мать умре в давних летех». В поместье Б. Н. Стрижевского жил во «дворишке» нищий Андрей Федоров с женой Марфой Ивановой, оба 50 лет. Записан у них сын Лаврентий 20 лет, он «взят в работники тому года з два в Санкт Питербурх». Указание возраста отсутствующего в момент переписи молодого человека может говорить о его возможном возвращении в поместье. В поместной же д. Юркино «в избенке» живет нищая 50-летняя вдова Гликерья Григорьева дочь Яковлевская жена Захарова. Она «солдатская мать», которая «прибегает на время, и ныне скитается в мире, детей нет». В вотчине Лариона и Григория Ивановичей Волконских в половине деревни Федяево был двор нищего Никифора Матвеева 40 лет с женой Лукерьей Яковлевой 35 лет и десятилетним сыном. «А он Никифор взят в плотники»¹⁸⁴, по всей вероятности в год переписи, ибо дата набора отсутствует.

С подобным падением на дно жизни сталкиваемся и в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря. В его подмонастырском с. Коровничье обозначен двор «рекрутного» солдата Павла Семенова, взятого в пятый набор в 1710 г., в котором «живет жена его Киликия Иванова 45 лет» с малолетними сыном Иваном и дочерью, а 11-летний ее сын Федор живет в монастыре «во дьячках» и еще один сын, может быть старший, Матвей умер в 1715 г. В том же селе во дворе другого солдата Дмитрия Ильина, взятого в третий набор, брат которого «Григорий взят в кузнецы и умре в Санкт Питербурхе», живет их 67-летняя мать, а ее младший 16-летний сын Василий «живет в Прилуцком монастыре в служебниках. А сын же ее Михайло сшел в Санкт-Питербурх в работники в 1713 году и умре». Жена Григорья, умершего в Петербурге, «Наталья Павлова дочь вышла замуж, а дети Григорей и Ксенья померли в 1711 году». Или в монастырской же д. Никитино живет «во дворишке нищая вдова солдатская мать Анна Яковлева дочь 58 лет». Ее муж Яков умер в 1711 г., а сыновья «Михайло взят в солдаты в 1711 году, Афанасий сшел в Санкт Питербурх в работники в 1715 году, там умре, Федор сшел безвестно в 1713 году». Еще один сын Осип «скорбен живет в Прилуцком монастыре в больнице»¹⁸⁵.

Вполне отчетливо по материалам переписи 1717 г. виден способ, по которому общины и вотчинники доводили хозяйственно ослабевший двор, где не оставалось трудоспособных людей, до полного разорения. Такой двор передавался новому тяглецу. Подобная мера была использована в поместной д. Савинцово Большое Н. Д. Бердяева, где в 1717 г. значился двор Алексея Ермолина 50 лет с 55-летней женой Антонидой Якимовой и женатым сыном Иваном 33 и Ириной Ивановой 25 лет, у которых сын 5 лет. В книги 1710 г. Алексей с семьей не попал, так как «он был у помещика своего в водожской деревне (т. е. в Водожской вол – *Е.Ш.*) для работы з женою з детьми». Однако двор тогда был жилым. В нем были «написаны Иван да Тихон Козмины. И они Иван умре после переписи 1710 году, а брат ево Тихон з женою и снохою своею, а с Ивановою женою Кузмина, с Офимьей Михайловой дочерью и с сыном Васильем Ивановым да с племянником Яковом Алексеевым бежали в 1707 году. А племянник их Федор Тимофеев взят в солдаты в девятой набор, а племянник их Яков Иванов взят в работники в Санкт Питербурх и умре»¹⁸⁶. Двор запустел между переписями, двое мужчин выбыли по мобилизациям, а значительная часть семьи бежала. В нем и была

¹⁸⁴ Там же. Л. 82об., 727, 730, 1002.

¹⁸⁵ Там же. Л. 23-23об., 30.

¹⁸⁶ Там же. Л. 559об.-560.

поселена новая семья. В данном случае налицо зависимость крестьян от власти помещика и государства, а также проявление радикальной реакции на нее.

П. А. Колесников сделал интересное наблюдение, пожалуй недооцененное в литературе. Волостные миры с последней четверти XVII в. «выбраковывали», по его выражению, малоимущих крестьян через мобилизации в рекруты и на принудительные работы, освобождаясь от экономически ослабленных сочленов. В соответствии с доминировавшей в 1960-1970-х гг. установкой о классовой дифференциации деревни, ориентированной на буржуазное расслоение, ученый расценил такие факты как создававшие для зажиточных крестьян благоприятные условия по приобретению участков неустойчивых хозяйств¹⁸⁷. Однако в подобных действиях полагаю, проявлялись со всей отчетливостью социально-стратегические устремления землевладельцев и волостных миров, направленные на поддержание платежеспособности на нужном уровне.

В. А. Александров в монографии о сельской общине, рассматривая вопрос о рекрутчине, обстоятельно проследил и разобрал принципы отбора рекрутов в общинах из числа, во-первых, большесемейных многотяглых крестьянских дворов и, во-вторых, из малотяглых, бесхозяйственных, непрочных дворов. Ученый также показал, что в XVIII в. феодалы и общины широко практиковали сдачу в рекруты «всех тех, кто был им не нужен». Общины выработали разные меры, позволявшие им экономическим путем «очищаться» от малосостоятельных крестьян. Существовала еще внеочередная сдача в рекруты «штрафных», в которые попадали лица, совершившие антиобщественные проступки, пьяницы, но чаще хозяйственно слабые. Этот способ позволял общине избавляться от наиболее бедной части деревни и имел сугубо «хозяйственно-социальный характер»¹⁸⁸.

Примечательно, что историки независимо друг от друга обнаружили одинаковые порядки в связи с рекрутчиной, которые действовали на протяжении XVII–XVIII вв. в чернососной и частновладельческой общинах. В жестком поведении типологически разных общин в отношении нетяглоспособных хозяйств улавливается некое нормативное единство.

Итак, рассмотренный материал свидетельствует, что общины, поддерживаемые землевладельцами, решая на практике вопрос государственной мобилизации, следовали вполне определенной стратегии. Во-первых, при наборах в солдаты и работники они черпали людские ресурсы из семей неразделенных, многочайных, с достаточным числом мужчин-работников. Такой принцип был болезненным, но позволял со временем семьям восстанавливать свой численный и хозяйственный потенциал, он также был приемлем для землевладельцев и государства, не получавших фискальных потерь. Во-вторых, те же актеры использовали силовой прием окончательного разорения экономически слабых дворов, избавляясь тем самым от хозяйственного балласта, и заводили вместо него или на его месте новое домохозяйство с потенциалом развития.

Военная и трудовая мобилизации, как мог убедиться читатель, самым непосредственным образом влияли на структуру семей и судьбы ее членов, воздействуя на их демографию. Изменения происходили не путем естественного, а инициированного извне (для семьи) упрощения состава за счет вырывания структурообразующих звеньев (мужчины) и последующей утраты и даже вымирания сопряженных с ними составляющих (женской и детской). Предложенный нарратив вхождения в отдельные крестьянские дворы и детального проникновения в сложившиеся в них между переписями 1710 и 1717 гг. ситуации, позволил наполнить сухой и однообразный материал живой жизнью. У незаинтересованного читателя может возникнуть упрек автору в перегруженности текста однообразным материалом и его монотонности, однако это обусловлено содержанием источника, и именно за счет

¹⁸⁷ Колесников П. А. Северная деревня... С. 253.

¹⁸⁸ Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 247, 273–277.

такой формы удалось проникнуть в конкретные судьбы людей, выявить стратегии крестьянских семей и практиковавшиеся землевладельцами. Вместе с тем из изложенного наглядно предстает реальная стоимость начавшейся петровской модернизации, которая выражена в человеческих жизнях безмолвствующего, в основном, большинства, но реагировавшего радикально и традиционно – бегством. Отмечу и важную источниковедческую особенность переписи 1717 г. Она уникально зафиксировала момент пульсации состава семей, столь трудно уловимый по источникам.

Глава 3

Внутрисемейные отношения

Реконструкция отношений в семье – важный фактор установления существовавших связей в группах разного рода и масштаба. Для получения суждений по такому не простому вопросу более всего подходят источники, которые возникли в самих группах и фиксировали бы внутренние отношения, а они специально не документированы. Полагаю, что некоторую информацию можно извлечь из поземельных актов крестьян, которые оформляли имущественные сделки, причем договорного характера, на дворы вместе с землей. Крестьяне воспринимали двор именно в совокупности – жилой комплекс с возделываемыми земельными угодьями. Понимание такого единства проявлялось в употреблении ими широко распространенных выражений ценностного характера: продал «свою деревню», хотя реализовалась ее часть – четвертая, восьмая, шестая или иная, деревня – «вотчина наша деда и отца моего» или «по купчим наша вотчина»¹⁸⁹. Акты могут, в какой-то степени, пролить свет на некоторые отношения между членами семьи, но они мало пригодны для раскрытия причин, обусловливавших те или иные поступки крестьян, а тем более эмоциональных состояний. Наиболее интересны среди таких документов те, в которых фигурировали родственные группы крестьян, участвовавшие в сделке либо как продавцы, либо как покупатели домохозяйств¹⁹⁰.

¹⁸⁹ О видах междоусобных поземельных сделок и обычноеправовых нормах, на которых они основывались, см.: Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 98–128.

¹⁹⁰ Здесь и далее «домохозяйство» употребляется в значении комплекса жилого дома-двора и владеемой земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.